

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

ВЕДЬМА ПРИДЕТ
ЗА ТОБОЙ

www.strashnoe.tv

Евгения Грановская
Антон Грановский
Ведьма придет за тобой
Серия «Маша Любимова и
Глеб Корсак. Следствие ведут
профессионалы», книга 9

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6002227

Ведьма придет за тобой : роман / Евгения и Антон Гра-новские: Эксмо;

Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65336-2

Аннотация

Журналист Глеб Корсак не хотел идти в больницу, где лежал его школьный друг Андрей Темченко. Но Андрей только что вышел из комы и ничего не помнил о себе, он узнал лишь имя Глеба на газетной странице... Корсаку совсем не понравилась просьба старого приятеля, однако он все же согласился съездить на место аварии, после которой Андрей на долгие годы впал в беспамятство, и разобраться, что же тогда произошло...

Майор Маша Любимова не знала, рада ли она встрече со своим бывшим мужем Глебом, поэтому сосредоточилась на осмотре жуткого места, куда ее вместе со следственной группой вызвал

Корсак. Чуть в стороне от шоссе в лесу обнаружилось пепелище: сгоревший охотничий домик и в куче золы останки молодой женщины – ей пробили грудь осиновым колом...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
1	15
2	19
3	27
4	32
Глава 2	39
1	39
2	43
3	51
4	63
Глава 3	72
1	72
2	81
3	84
4	93
5	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Антон Грановский, Евгения Грановская Ведьма придет за тобой

© Грановская Е., Грановский А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Два двенадцатилетних мальчика, рыжий и темноволосый, сидели на задней парте и перешептывались.

– Ты что, правда не веришь в колдовство? – удивленно спрашивал рыжий.

– Нет, – отвечал ему темноволосый.

Рыжий, которого звали Андреем, сдвинул брови и назидательно сказал:

– Но оно существует. У моего папы есть книга «Молот ведьм». Там написано, как можно узнать ведьму и как потом ее убить.

– Чушь, – небрежно обронил темноволосый мальчик, которого звали Глеб. – Никаких ведьм не существует. А твой «Молот ведьм» написали придурки, которым не везло с девочками.

– Сперва почитай, а потом говори.

– Мне больше делать нечего, как разную муть читать.

Учительница химии Светлана Петровна Зотова постучала по столу указкой, оборвав свой монолог о тайнах бинарных соединений, и строго посмотрела в сторону задних парт.

– Темченко, Корсак! Хватит болтать на уроке!

Андрей и Глеб изображали на лицах невинность.

Светлана Петровна вновь повернулась к доске, испещренной химическими формулами, и принялась водить по ней

указкой, комментируя свои действия рассказом, который мало кто из учеников считал увлекательным.

– Так вот, – продолжал рыжеволосый Андрей, когда гроза улеглась, – в этом «Молоте ведьм» написано про поклонение дьяволу и про плотские сношения с инкубом или суккубом.

– Какие отношения?

– Плотские. Это когда мужчина и женщина...

– Я знаю, что это такое. – Глеб сложил пальцы левой руки колечком и потыкал в колечко указательным пальцем правой руки. – Примерно так, да? – насмешливо уточнил он.

Андрей хмыкнул.

– Ты вот смеешься, а ведь все это на самом деле. А еще у моего папаши есть книга про то, что мысли – действительны!

– Это как?

– Просто. Мысль действует на реальность. Если несколько человек одновременно очень сильно чего-то пожелают, то это может сбыться.

– Вот это уже точно чушь собачья.

– Темченко! Корсак! – раздался грозный окрик учительницы. – Если хотите поговорить – выйдите из класса в коридор!

– Простите, Светлана Петровна, – спокойно сказал Глеб Корсак. – Мы с Андреем говорили про формулу дифторида кислорода. По-моему, вы написали ее на доске с ошибкой. Вы поставили фтор в начале формулы, а надо – в конце. Ведь это фтор является окислителем кислорода, а не наоборот.

рот. Если, конечно, я ничего не путаю.

Светлана Петровна метнула на «умника» гневный взгляд, затем перевела его на доску и пробежала глазами по формулам.

– Да, действительно, – смущенно произнесла она. Затем исправила ошибку и снова посмотрела на Глеба, на этот раз смягчившимся взглядом. – Глеб, в следующий раз, если увидите ошибку, не шепчитесь у меня за спиной, а поднимите руку и скажите.

– Хорошо, Светлана Петровна.

Химичка продолжила разъяснять новую тему, а Темченко тихо пробормотал:

– Уф-ф... Пронесло. Так о чем я говорил?

– Ты не говорил – ты врал, – поправил его Глеб. – Про то, что мысль действенна.

– По-твоему, это вранье?

– Конечно.

Несколько секунд Андрей Темченко обиженно хмурил брови, а потом вдруг предложил:

– Поспорим на упаковку жвачки?

– О чем?

– Я говорю, что мысль действенна, а ты – что нет.

– И на что спорим?

– На пять пенделей и три чилима!

– Договорились. Мажем!

Глеб стиснул ладонь Андрея. Свободной рукой тронул

мальчика, который сидел перед ними:

– Эй, Борзин, разбей! Хорек, оглох, что ли?

Тощий востроносый мальчишка, и впрямь похожий на хорька, глянул на химичку, удостоверившись, что она не смотрит, быстро повернулся и рубящим движением ладони разбил пожатие спорщиков.

Пари, таким образом, состоялось.

– Ну? – насмешливо спросил Глеб. – И чего будем желать?

– Корсак! Темченко! – На этот раз окрик учительницы заставил вздрогнуть весь класс. – Вы, я вижу, разбираетесь в новой теме? Что ж, хорошо! Раз все все знают, я ничего не буду рассказывать, а устрою по новой теме контрольную! Петрова, раздай всем листки!

Отличница Петрова, сутулая очкастая девочка с косичками, похожими на крысиные хвостики, поднялась с места, на негнущихся ногах прошла к столу, взяла пачку белоснежных листов, развернулась и двинулась вдоль парт.

Некоторое время ученики смотрели на листы бумаги, лежащие перед ними, замороженно и недоверчиво. А потом, словно очнувшись от обморока, все разом загалдели.

– Светлана Петровна, это нечестно!

– Мы молчали, это Темченко болтал!

– И Корсак! Темченко с Корсаком болтали, пусть они и пишут!

– Нельзя задавать контрольную по новой теме, это неправильно!

– Так, тихо! – повысила голос химичка и громко постучала указкой по столу. – Петрова, раздала?

– Да, Светлана Петровна.

– Садись на место. Контрольная состоится! А за свои будущие двойки благодарите Темченко и Корсака!

Головы одноклассников повернулись, несколько десятков ненавидящих глаз уставились на Глеба и Андрея.

– Так! – снова повысила голос учительница. – А теперь записывайте тему!

И медленно, с каким-то садистским удовольствием поглядывая на Глеба и Андрея, она продиктовала задания.

– Черт, влипли, – пробормотал Темченко.

– Да уж, – мрачно поддакнул Корсак.

И тут глаза Андрея сверкнули.

– Слышь, Глеб, у меня идея. А давай пожелаем, чтобы химичка отменила контрольную.

– Это дурость.

– Но мы же поспорили!

Глеб пожал плечами:

– Ладно, давай.

– Только желай по-настоящему. И думай об этом. И я буду думать.

– Хорошо. – Глеб хмыкнул. – Только думай не слишком сильно, а то голова от напряжения лопнет.

Мальчики уставились на Светлану Петровну. Она уже не стояла перед доской, а сидела за столом и писала что-то

в своей тетради.

Прошло секунд десять.

– Ты уже думаешь? – тихо, уголком рта, спросил Андрей.

– Да, – в тон ему ответил Глеб, сверля учительницу взглядом. – А ты?

– Я тоже. Думай сильнее.

– Сильнее некуда.

Глеб и Андрей продолжали напряженно смотреть на химичку.

Прошло около минуты. Светлана Петровна оторвала взгляд от своей тетради и взглянула на класс. И вдруг вцепилась пальцами в край стола и шумно хватанула ртом воздух. Затем лицо ее посинело, правая щека и уголок губ отекали вниз. А в следующий миг она рухнула вместе со стулом на пол между столом и доской.

Несколько секунд потрясенный класс молчал, а затем все вскочили со своих мест и загалдели. Глеб опередил всех. Класс еще не пришел в себя, а он уже сидел на полу возле Светланы Петровны.

– Вызывайте «Скорую»! – крикнул он.

Склонившись над учительницей, Глеб принялся делать ей непрямой массаж сердца и искусственное дыхание – так, как их учили на уроках НВП. Но время шло, а Светлана Петровна в себя не приходила.

Ребята что-то кричали, но Глеб их не слышал. Он продолжал свою безнадежную работу и перестал, лишь когда двое

мужчин в белых врачебных халатах силой подняли его на ноги.

– Успокойся, парень, – сказал один из них. – Ей уже ничем не поможешь.

Глеб огляделся. Весь класс сгрудился возле стола Светланы Петровны, но среди десятков лиц Корсак разглядел всего одно – своего друга Андрея Темченко. Он был бледен, но на губах его застыла торжествующая улыбка.

К горлу Глеба подкатила тошнота. Он бросился из класса в коридор, и там его вырвало.

В тот же вечер между приятелями произошел разговор на ржавых качелях на пустыре, где они обычно встречались.

– Ты как? – спросил Андрей.

Глеб не ответил. Он достал из кармана пачку сигарет, украденную у отца, вынул одну и зажал губами. Пальцы его дрожали. Темченко посмотрел, как он прикуривает от стальной бензиновой зажигалки, и сказал:

– Ты мне проспорил.

Глеб молчал, пуская дым.

– Мы это сделали, – заявил Андрей, спокойно и внимательно на него глядя.

– Чепуха, – дернул щекой Глеб.

– Это сделали мы, – повторил Андрей.

– Перестань, – сказал Глеб.

– Мы с тобой убили ее.

– Заткнись!

– Ты и я, – настаивал Андрей. – Колдовство есть, понимаешь? Мы с тобой...

Корсак схватил Андрея за куртку. Тот замолчал, попятился.

– Ты что, Глеб?

– Ничего. Колдовства не существует, понял? У Светланы Петровны был инсульт. Я слышал, как врачи об этом говорили.

– Ты правда в это веришь?

Глеб разжал пальцы, выпустив куртку приятеля.

– Все это чушь, – хрипло сказал он. – Ты не колдун. И я тоже.

Однако Андрей не слушал. Глаза его засверкали, а голос зазвучал пронзительно, когда он проговорил:

– Глеб, если мы с тобой на это способны... Представляешь, что мы можем сделать, если захотим? Мы даже можем вызвать дьявола! Или суккуба!

– Ты читаешь слишком много глупых книг, – сказал Глеб. – Перестань шариться в библиотеке отца и почаще бывай на свежем воздухе.

Но Андрей его не слушал. В порыве волнения он схватил приятеля за плечо и крикнул ему в лицо:

– Глеб, ты не понимаешь! Ведьмы и колдуны существуют! Я докажу тебе это!

Корсак посмотрел на руку приятеля и велел тем же хрип-

лым голосом:

– Убери руки, Темченко. И не подходи ко мне больше.

Лицо Андрея вытянулось от изумления.

– Что?

– Я сказал – убери руку. И больше ко мне не подходи.

Никогда.

Андрей опустил руку.

– Значит, нашей дружбе конец? – спросил он, не веря собственным ушам.

– Мы никогда не были друзьями, – заявил Глеб. – Мы просто сидели за одной партией. Дружи с Виталиком Борзиным, он такой же ненормальный психопат, как ты.

Глеб отшвырнул окурочек сигареты, повернулся и пошел прочь.

– Я докажу тебе, – крикнул ему вслед Андрей. – Слышишь?! Я докажу! И тогда мы посмотрим, кто из нас прав!

Глеб, не оборачиваясь, ускорил шаг.

Глава 1

Пробуждение

1

Было около трех часов ночи. Выпускник МГИМО Андрей Темченко гнал машину по пустынному шоссе. Фары выхватывали из темноты разметку дороги, мерцающие лужи, темную стену деревьев, подступающих к обочине.

– Она жива, – пробормотал Андрей. – Она еще жива.

И содрогнулся, осознав правоту своих слов. Сердце стиснуло ледяным обручем, а потом, когда обруч внезапно ослаб, оно забилося так часто, что Андрей вынужден был снизить скорость, чтобы машина не слетела в кювет.

Пальцы его дрожали.

«Она жива, – думал он. – Черт подери! Она жива!»

Он миновал жестяной знак «Осторожно – лоси!», проехал еще метров пятьсот и сбавил скорость. Миновав еще километр, он остановил машину.

Чтобы покинуть салон и ступить на черную мокрую траву, Андрею понадобилась вся его смелость. Наконец он захлопнул за собой дверцу машины и вдохнул полной грудью влажный воздух леса. Над черными кронами деревьев плыла

луна среди редких звезд и белесых туч.

Трасса по-прежнему была пуста. Лес, подступивший к ней с двух сторон, – темен и страшен. Андрей достал сигареты, закурил, пару раз судорожно и глубоко затянулся, отбросил окурок, снова повернулся к машине, открыл дверцу и вытащил с заднего сиденья палку и большой охотничий нож.

Потом он принялся за дело. Лезвие ножа то и дело соскальзывало с палки, но он продолжал упорно работать.

Наконец, посчитав, что сук достаточно заострен, Андрей сунул нож в карман куртки и вытер рукавом потный лоб. Он чувствовал себя страшно уставшим. Но как только Андрей перевел дух и взгляделся в лесную чащу, ждущую его и тоже взглядывающую в него, к нему вернулся страх. Он никак не мог избавиться из ощущения, будто за ним наблюдают.

Наконец, взяв заостренный кол наперевес, Андрей двинулся по невысокой траве в глубь леса и вскоре вышел на узкую тропку. Идти по ней в свете полной луны было не сложно, хотя и жутко. Земля и мокрая трава чавкали под ногами. Деревья стояли черные-пречерные, трава казалась скорее синей, чем зеленой.

Вскоре запахло дымом, и запах этот с каждым шагом становился все явственнее.

Через сорок минут он дошел до лесной полянки и остановился. И сразу почувствовал, что *она* здесь. Казалось, сама тьма содрогнулась, а затем что-то зашевелилось в этой мгле, и до ушей Андрея донесся тихий сиплый голос.

– Помоги... Помоги мне...

От тени, которую бросали на обугленные развалины охотничьего домика деревья, отделился шевелящийся сгусток и медленно пополз к Андрею. С трудом поборов искушение кинуться прочь, Темченко двинулся навстречу твари, извивающейся на земле, остановился рядом, взметнул над головой кол и с размаху всадил его заостренный конец чудовищу в грудь.

Раздался хруст. С травы испуганно вспорхнула стайка белых ночных мотыльков и ударилась в грудь и лицо Андрея.

Темченко, поборов приступ тошноты, нажал на палку сильнее. Сгусток тьмы, корчащийся на земле, задергался, захрипел, протянул к Андрею черные руки. Тускло и яростно сверкнули белки глаз, а затем сиплый голос прохрипел:

– Я приду за тобой... Я приду за тобой...

Андрей навалился на палку всем телом. Снова захрустело, и сгусток тьмы у него под ногами затих.

Поняв, что все кончено, Андрей выдернул палку и отшвырнул ее в сторону. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее. По спине стекал ледяной пот. Андрей достал из кармана охотничий нож и присел рядом с монстром...

...Когда, наконец, все было закончено, Андрей выпрямился, перевел дух, затем, не давая себе отдохнуть, повернулся и быстро зашагал прочь. Он чувствовал, что тьма тянется за ним, как черный гудрон, словно она прилипла к его одежде, к его телу, к его душе.

Он невольно ускорил шаг. Но ощущение преследования не прошло. Тогда Андрей побежал. Еще быстрее! Еще! Туда, где у обочины стояла его новенькая белая «Тойота», подаренная отцом в ознаменование окончания института.

Он бежал все быстрее, но тьма преследовала его. Ему казалось, что мрак тяжело и плотоядно дышит ему в затылок, как хищный зверь. Деревья расступились, и впереди показалось полотно дороги. Андрей немного сбился с маршрута, его «Тойота» стояла метров на сто правее. Он выскочил на шоссе и повернул к машине. И в этот миг яркий свет ударил Андрея по глазам, потом что-то втянуло его в себя, закружило и понесло прочь.

«Вот и все», – успел подумать он и погрузился во тьму.

2

Восемнадцать лет спустя

– Лиз, пойдешь с нами в кафе?

– А что, пора?

Две подруги-медсестры переглянулись.

– Лиз, ты что, совсем заработалась? Уже полвторого!

Лиза Пояркова, молодая симпатичная медсестра, стройная до худобы, посмотрела на часы.

– И правда, – вымолвила она удивленно.

– Так ты идешь или нет?

– Да. – Лиза отложила учебник анатомии, который зубрила в перерывах между делами, и поднялась из-за стола. Но тут же села снова.

– Ты чего? – спросила ее одна из подруг.

Лиза виновато улыбнулась:

– Да совсем забыла. Мне еще нужно пациенту из одиннадцатой укол сделать.

– «Спящему ухажеру»?

Подруги переглянулись и прыснули от смеха.

– Не забудь поесть, Лизка, а то скоро на ветру качаться станешь!

Подруги засмеялись, а затем, болтая и хихикая, двинулись по больничному коридору. Лиза проводила их взглядом, потом снова посмотрела на часы. Да, ей пора. Она снова встала

из-за стола, прошла по коридору, остановилась возле палаты номер одиннадцать и осторожно открыла дверь. Еще с порога она увидела *его*. Рыжая копна волос. Худое, бледное лицо. Довольно симпатичное и молодое, но осунувшееся и с большими темными кругами под глазами.

Впрочем, молодым его можно назвать с большой натяжкой. За восемнадцать лет беспробудного сна человек успел повзреть и превратиться из юноши в мужчину. Но сам он этого, конечно, не знал. И, скорей всего, никогда не узнает.

Коматозники редко приходят в себя после столь длительного сна. Обычно они умирают, не просыпаясь. Вот и этот пациент давно бы уже, наверное, умер, если бы не деньги, которые регулярно переводились на счет больницы его богатыми родственниками.

Деньги обеспечивали пациенту должный уход и тем самым продлевали ему жизнь. Разумно ли это? Для Лизы такой вопрос не стоял. Любой из нас может уснуть на недели, месяцы и даже годы, и каждый из уснувших заслуживает право на пробуждение.

Лиза вошла в палату, притворила за собой дверь и тихо подошла к кровати.

– Вот и я, – сказала она «спящему ухажеру».

– Пи-пи-пи-пи, – отозвался вместо него сердечный монитор, который вернее было бы назвать «бессердечным».

Лиза принялась за свою обычную работу. Раздела пациента, растерла физраствором его тело, перевернула, позабо-

тилась о том, чтобы не было пролежней...

В палату заглянул Сева Канушкин, медбрат и друг Лизы, тайно (да что там тайно – вполне явно) в нее влюбленный. Что, впрочем, не мешало Севе обращаться к Лизе покровительственно-иронично, как старший насмешливый брат обращается к младшей недотепистой, но любимой сестре.

– Лиз, чего ты с ним возишься? – спросил, наверное, уже в сотый раз Сева. – Он все равно не оценит.

– Спорный вопрос, – возразила Лиза. – Однажды он проснется и скажет мне спасибо.

– Он никогда не проснется.

– Никогда не говори никогда, Сева.

Он криво ухмыльнулся.

– С каких пор ты стала такой остроумной?

– С тех пор, как стала общаться с тобой.

Сева ушел. Лиза снова посмотрела на лицо «спящего уха-жера». Было в нем что-то... неземное.

В какой стране он сейчас блуждает? Какие видит сны? А может быть, это не сны, а совсем другая реальность? Вот бы посмотреть на то, что видит он, хотя бы одним глазком.

Лиза вздохнула и взяла со столика одноразовый шприц и ампулу с лекарством.

– Это снова золпидем, – прокомментировала Лиза пациенту свои действия. – Странно, конечно, что я колю вам снотворное, когда вы и так спите. Но два года назад этот препарат помог одному коматознику прийти в себя. Может, он

и вам поможет?

Щелчок сломанной ампулы. Манипуляции со шток-поршнем. Укол. Привычные действия, отточенные до машинальности.

Сделав укол, Лиза бросила шприц и вату в урну и повернулась к окну. На улице было все так же пасмурно, как три последних дня, но сегодня солнце изредка пробивалось сквозь рыхлые тучи. Вот и сейчас луч осветил разводы на стекле, оставшиеся после недавнего дождя, и Лиза не удержалась от улыбки. И в эту самую секунду писк монитора вдруг участился, а за спиной у медсестры послышался легкий звук, похожий то ли на стон, то ли на вздох.

Лиза быстро обернулась. «Спящий ухажер», как и прежде, лежал на кровати, но веки и ресницы его едва уловимо подрагивали, словно он силился приоткрыть глаза.

* * *

Суматоху, которая последовала за воскрешением «спящего ухажера», трудно описать. Суетились все – взволнованные доктора, перепуганные медсестры, сбитые с толку санитары и даже ошавевшая от криков и грохота носилок уборщица.

– Срочно в реанимацию!

Но все рано или поздно заканчивается, и к вечеру жизнь клиники вошла в свое обычное русло. Лишь доктор Чурсин, заведующий больницей и лечащий врач «спящего ухажера»,

расхаживал по коридорам, не скрывая довольной улыбки и отдавая четкие распоряжения персоналу, то и дело потирал руки – как бы в предвкушении нового счастливого периода в своей жизни.

– Считай, диссертация теперь у него в кармане, – язвительно ухмыльнулся Сева после очередного появления доктора Чурсина.

– Не будь злопыхателем, – упрекнула его Лиза, сидя за столом и допивая вторую чашку подряд ванильного латэ.

Сева посмотрел на нее внимательно и хмуро.

– Как твой «спящий ухажер»? – тем же язвительным тоном поинтересовался он. – Уже сказал тебе спасибо?

– Он пока еще ничего не сказал, – ответила Лиза, не в силах погасить сияние глаз на усталом лице – так лампа светит сквозь запыленную ткань торшера. – Пытался, но не смог.

– Жаль. Вдруг он завтра снова уснет, не успев тебя поблагодарить и поцеловать в щечку.

Лиза насмешливо прищурилась:

– Ты, кажется, ревнуешь?

– Ревную? К нему? – Сева фыркнул. – Это все равно что ревновать к манекену.

– Он не манекен. Раньше ты мог так о нем говорить, но с сегодняшнего дня он живой человек – даже для тебя. И с каждым днем он будет оживать все больше. Доктор Чурсин сказал, что первый шок прошел и теперь с ним все будет хорошо.

– Ясно. – Сева отхлебнул цветочного чая и облизнул губы. – Слушай, может, сходим куда-нибудь поужинать? Тут неподалеку открылось новое кафе...

– Не получится, – ответила Лиза. – Я сегодня ночью остаюсь на дежурство.

– Как это? – не понял Сева. – У тебя же по плану...

– Я поменялась с Таней Самохиной.

– Зачем? – удивленно спросил Сева. Но тут же сам себе и ответил: – А, ясно. Чтобы быть поближе к своему ожившему манекену и наблюдать, как его дряблые члены наливаются жизненными соками?

Лиза наморщила нос:

– Фу, как это пошло.

– Говорю, как есть, – сухо отозвался Сева. – Слушай, Лиза, ты не можешь быть с ним рядом вечно. И без тебя есть кому за ним приглядеть. Ты же вторую ночь не спишь! Совсем себя загнать хочешь?

Лиза улыбнулась:

– Ничего, я двужильная.

– Ладно, как скажешь. – Сева вздохнул. – Хочешь, я сгоняю в магазин и куплю тебе чего-нибудь поесть?

Лиза покачала головой:

– Нет. Я уже купила булочки и «Доширак» в столовой.

Сева вздохнул:

– Н-да. Как сказал один мудрый человек, «здоровое питание – это обязательно профильтровать воду из-под крана пе-

ред тем, как заварить «Доширак». Слушай, Лизок, и почему ты только не толстеешь от такой еды?

– У меня повышенный метаболизм, – с улыбкой ответила Лиза.

Сева усмехнулся:

– Ладно. И все же будь поосторожнее с этим парнем. Он не твой сын. И не твой брат. Чем здоровее он будет, тем меньше станет нуждаться в тебе. Не забывай об этом. Иначе сердечной драмы тебе не избежать – поверь опытному человеку.

Когда Сева ушел, Лиза достала из стола булочку с изюмом и бутылку чая с персиковым нектаром. Поела, задумчиво глядя на стену с графиком дежурств. Но думала она не о графике, а о своем «спящем ухажере». Полтора года она ухаживала за ним, по нескольку раз в день меняла памперсы, растирала дряблые мышцы, ставила капельницы и уколы. Были у нее и другие пациенты, но о них Лиза заботилась машинально, «не подключая чувства», как сказал бы Сева.

Каждый день Лиза ждала, что ее пациент откроет глаза, каждый день с надеждой вглядывалась в его лицо – худое и одутловатое одновременно. И вот этот день настал. Чудо случилось, но Лиза не могла разобраться в своих чувствах. Душа ее словно онемела – быть может, от шока, быть может, еще от чего-нибудь.

Вполне возможно, что однажды он встанет на ноги и... покинет клинику? От этой мысли сердце Лизы сжалось.

«Нет, это не может закончиться, – сказала она себе. – А ес-

ли закончится, то не так. Совсем не так».

Лиза вздохнула и поднялась из-за стола. Пора было про-
вести спящего пациента, который уже почти десять часов
назад перестал быть спящим.

3

Прогрессировал пациент быстро. На второй день после пробуждения доктор Чурсин заметил, что глаза Андрея Темченко следят за ним. Доктор прошелся перед кроватью влево-вправо и убедился, что не ошибся. Он склонился над ними и громко и отчетливо спросил:

– Андрей, вы слышите меня?

Пациент едва заметно кивнул. Потом закрыл глаза и на дальнейшие вопросы не реагировал.

На третий день Темченко ответил на тот же вопрос доктора не только кивком – он смог произнести слово «да». Четвертый, пятый и шестой дни стали для Темченко временем настоящего возрождения – он научился складывать слова в фразы. К началу второй недели он ожил настолько, что доктор попытался втянуть его в диалог.

– Вы помните, как вас зовут?

– Андрей, – прошелестел в ответ пациент.

Доктор кивнул:

– Верно. А фамилия? Вы помните свою фамилию?

– Темченко.

На лице Чурсина появилась радостная улыбка – больной назвал свою фамилию, ни на секунду не задумавшись. Это был хороший признак.

– Вы помните, что с вами случилось?

Несколько секунд сосредоточенного молчания, а затем ответ:

– Нет. А что?

– Вы были без сознания.

– Да. Мне сказали. Как долго?

– Очень долго.

Темченко посмотрел доктору в глаза и уточнил:

– Сколько?

– Несколько... лет, – ответил Чурсин, слегка запнувшись.

Темченко закрыл глаза. Доктор позвал Лизу и усадил ее рядом с кроватью. Когда веки Андрея снова приоткрылись, Чурсин сказал:

– Это ваша медсестра – Лиза. Последние полтора года она за вами ухаживала.

Темченко посмотрел на смущенную девушку, кивнул и закрыл глаза.

Еще через два дня между проснувшимся пациентом и доктором состоялся полноценный диалог.

– Только помните: долго говорить вам нельзя, – предупредил Чурсин, осмотрев Темченко и проверив его показатели. – Это может вызвать отек гортани.

– Долго не буду, – пообещал тот окрепшим голосом. – Я хочу знать, как это случилось? Как я попал сюда?

– Вас сбила машина, – ответил доктор.

Андрей облизнул сухие губы и спросил:

– Где это произошло?

– На Минском шоссе. Около леса.

На лице Темченко появилось удивление. Он разомкнул губы и пробормотал:

– Что я там делал?

– Точно я не знаю, – ответил доктор Чурсин. – Думаю, у вас заглохла машина. Вы ловили попутку, час был поздний, вокруг – лес... Ну, и угодили под колеса.

Некоторое время Темченко молчал, напрягая память, потом сказал:

– Я ничего не помню.

– Вы полторы недели как вышли из комы. Вполне вероятно, что память к вам вернется, но это произойдет не сразу.

– Ладно... Где мои родственники? Они пришли?

Чурсин и Лиза переглянулись.

– Вы их помните? – спросил доктор.

Темченко качнул головой:

– Нет.

– Ваша мать умерла при родах. А отец скончался от пневмонии вскоре после того, как вы впали в кому. Насколько я знаю, вас воспитывала бабушка.

– Где она?

– Ее тоже нет в живых. Уже шесть лет.

– Шесть? – Пациент пристально посмотрел на врача и прищурился. – Вы же сказали...

Чурсин смутился, поняв, что проговорился. Он снял очки и стал протирать платком стекла.

– Сколько я уже здесь, доктор? – спросил Темченко. – Только говорите правду.

– Восемнадцать лет.

Пациент закрыл глаза. Сердцебиение его участилось. Доктор дал знак Лизе, та кивнула и протянула руку к капельнице. Через пару минут, когда ритм сердца вернулся в норму, Чурсин осторожно спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Значит, мне сейчас сорок лет? – спросил пациент вместо ответа.

– Да.

– Боже...

Лиза тревожно посмотрела на врача. Тот сдвинул брови и поправил очки.

– Ко мне вообще кто-нибудь приходит? – спросил Темченко после паузы.

– Нет, но...

Чурсин запнулся, не зная, что сказать.

– Вам нужно отдыхать, – произнес он. – А мы пока постараемся найти кого-нибудь из ваших знакомых и друзей.

Доктор поднялся со стула.

– Постойте, – окликнул его пациент. – Принесите мне... газеты и журналы.

– Не думаю, что это хорошая идея.

Темченко усмехнулся.

– Не хотите, чтобы я волновался? Но я буду волноваться,

если вы не принесете мне прессу.

– Хорошо, – нехотя сказал Чурсин. – Лиза об этом позаботится.

И она позаботилась. Подобрала все, что нужно – «Итоги», «Эксперт», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Мир новостей» и еще целую кипу разных изданий.

– Это газеты и журналы, которые вы просили, – сказала она, кладя внушительную стопку на тумбочку возле кровати. – Сейчас охранник принесет вам телевизор. Вам еще что-нибудь нужно?

Темченко не ответил. Глаза его были закрыты. Судя по всему, он уснул.

Лиза на цыпочках вышла из палаты. В коридоре она встретила доктора Чурсина.

– Лиза, идите домой и хорошенько выспитесь, – строго сказал он.

– Но...

– И никаких «но». Вам необходимо отдохнуть.

Лиза смущенно пожала плечами.

– Я могу поспать здесь.

– Не можете. Я вам это запрещаю. – Чурсин улыбнулся и добавил отеческим тоном: – Милая, пробуждение Андрея Темченко взволновало не только вас. Я понимаю, что вы привязались к этому пациенту за эти полтора года, но привязанность эта – односторонняя. Ему абсолютно все равно, кто за ним будет ухаживать – вы или другая медсестра.

– Я понимаю, – сказала Лиза. – Но это нужно *мне*.

Несколько секунд доктор смотрел на худое лицо девушки сквозь мерцающие стекла очков. Потом вздохнул и сказал:

– Жаль, что таких самоотверженных медсестер, как вы, мало на свете. Впрочем, через пару-тройку лет вы подрастеряете свой боевой задор и станете такой же равнодушной, как все остальные.

– Но ведь пока я такой не стала, – с робкой улыбкой проговорила Лиза.

– Да, – согласился Чурсин. – Пока не стали. Оставайтесь на ночь, раз вам так хочется. Я распорядюсь, чтобы вам оплатили это дежурство.

Вскоре Лиза вернулась в палату и села на стул рядом с кроватью. Андрей Темченко дышал спокойно и ровно, хотя на лице его застыло странное выражение, в нем можно было прочесть и страдание, и испуг.

А потом он начал что-то бормотать во сне. Лиза прислушалась.

– Я приду за тобой... – прошептали его губы. – Я приду за тобой...

Темченко открыл глаза и уставился в темный потолок. Облизнул кончиком языка сухие губы. Скосил глаза на Лизу и сипло проговорил:

– Мне снился кошмар.

– Да, я поняла. – Она утешающе улыбнулась. – Вы стонали во сне.

Андрей снова перевел взгляд на потолок. Он долго рассматривал бесчисленные отверстия в звукопоглощающем покрытии вверху. Потом сказал с легкой усмешкой:

– Наверное, через эти дыры они и улетают.

– Кто? – не поняла Лиза.

– Души. – Он посмотрел на нее блестящими глазами. – Души умерших!

Темченко засмеялся, но тут же закашлялся. Лиза промокнула ему салфеткой губы.

– Вы побудете здесь? – спросил он, справившись наконец с кашлем.

– Да. А вам лучше еще поспать. Время ночное, и вы...

Договорить она не успела. Что-то мягко постучало в оконное стекло.

Лиза и Андрей вздрогнули и повернули головы в сторону окна. Стук повторился.

– Вы это слышали? – хриплым испуганным шепотом спросил Андрей. – Стук в окно!

– Да.

Лиза поднялась со стула и подошла к подоконнику. Вгляделась в ночную улицу, тускло освещенную одиноким фонарем. Сначала она ничего не увидела. Хотела отвернуться, но тут по стеклу снова застучали – тук-тук-тук.

Лиза вздрогнула, сердце ее учащенно забилося.

– Кто там? – спросила она.

Фонарь замерцал, и в его неверном свете Лиза увидела

несколько больших белых бабочек, бьющихся о стекло.

– Боже, – облегченно выдохнула она. – Всего лишь мотыльки.

– Что там? – испуганно спросил Темченко.

Она повернулась к нему и с улыбкой ответила:

– Ночные мотыльки. Наверное, чувствуют приближение грозы.

Она услышала, как он вздохнул.

– Восемнадцать лет назад... Господи, неужели прошло восемнадцать лет?

Лиза вернулась к кровати и села на стул. Андрей посмотрел на нее и проговорил:

– Я был не один. Там, в лесу. Кто-то был со мной! И это... Это очень важно.

Лиза улыбнулась и хотела сказать что-нибудь утешающее, но в эту секунду ей показалось, будто кто-то заглянул в окно палаты. Она быстро обернулась. В окне никого не было. Да и не могло быть – в такой-то поздний час.

– Что случилось? – встревоженно спросил Андрей и даже приподнял голову с подушки. – Вы что-то увидели?

– Нет, – ответила она. И повторила чуть увереннее: – Нет. Наверное, опять мотыльки. – Лиза через силу улыбнулась и постаралась сменить тему разговора. – Скоро вы станете настоящей звездой, – сказала она.

– Звездой? – не понял Темченко.

– Журналисты любят истории, подобные вашей. Ведь это

такая редкость! И радость!

– Радость... – глухо повторил он. И усмехнулся. – Я не уверен, что рад. У меня много вопросов и ни одного ответа. Я не помню, как оказался в том лесу. На той дороге. Но я знаю, что это было очень важно.

– Вы вспомните, – ободряюще сказала Лиза. – Вы обязательно все вспомните. Доктор в этом не сомневается, а значит, и вам не стоит.

Андрей Темченко вздохнул и оглядел палату.

– Судя по всему, это дорогая клиника. Кто оплачивает мое лечение? – спросил он.

– Не знаю, но...

– Но?

– У вашей бабушки был какой-то большой бизнес. Думаю, что после ее смерти все деньги стали вашими. Сегодня утром к вам просился один мужчина... не то адвокат, не то управляющий. Но доктор Чурсин его не пустил. Сказал, что вам рано заниматься делами.

Уголки губ Андрея дернулись.

– Значит, я богат? – спросил он с иронией.

– Наверное.

Взгляд Темченко упал на стопку журналов и газет.

– Совсем забыл... Лиза, я хотел вас кое о чем попросить.

– О чем?

– Сверху лежит журнал. Уголок одной страницы загнут.

Откройте его, пожалуйста.

Лиза взяла журнал и раскрыла.

– Видите статью про убийц-маньяков?

– Да.

– Посмотрите на имя журналиста. Оно внизу, сразу после статьи. Видите?

Она нашла подпись и прочитала вслух:

– Глеб Корсак.

– Да. – Андрей сглотнул слюну. – Мне знакомо это имя.

Не помню откуда, но я его знаю.

– Вы начинаете вспоминать прошлое? – обрадовалась Лиза. – Отличная новость! Я скажу об этом Евгению Борисовичу.

Темченко приподнял руку и сделал останавливающий жест. Лиза замолчала.

– Вы... можете позвонить в редакцию и узнать?

– Что именно? – не поняла она.

– Как связаться с этим... Глебом Корсаком. Быть может, он что-то знает обо мне?

– Не уверена, что в редакции захотят со мной говорить, – с сомнением произнесла она. И поспешно добавила: – Но я попробую.

– Хорошо, – выдохнул Андрей. – Спасибо.

Разговор вымотал его, и он снова утомленно закрыл глаза. Лиза немного посидела рядом, а когда поняла, что дышит он ровно и спокойно, потихоньку поднялась со стула и бесшумно вышла из палаты.

– Глеб Корсак... – прошептал во сне Темченко. – Колдовство существует, Глеб... Колдовство существует.

Глава 2

Раздвоение

1

В комнате было жарко, хотя работал кондиционер. Игроки играли сосредоточенно, почти не пили алкогольных напитков и не разговаривали на посторонние темы, стараясь в любой ситуации сохранять «покер-фэйс». Время от времени раздавались короткие отрывистые реплики:

– Колирую... Олл-ин... Чек... Ставлю двести... Карманная пара... Стрит...

Бадри Гурамов, двадцатипятилетний чернявый детина, одетый в дорогой костюм, с ненавистью посмотрел на человека, который сидел за игральным столом прямо напротив него. Гурамов хотел что-то сказать, но сдержался. Кавказская горячность вступила в противоречие с необходимостью сохранять «покер-фэйс», и на этот раз проиграла.

Человека, сидевшего напротив Бадри, звали Глеб Корсак. Это был худощавый мужчина лет тридцати пяти на вид, темноволосый, красивый, с насмешливыми карими глазами и жесткой линией рта. Одет он был дорого, но небрежно, как одеваются успешные художники или писатели.

Глеб Корсак внимательно наблюдал за Бадриком, который делал ставку за ставкой и неизменно проигрывал. Нервный блеск в глазах, подергивание рта, манера облизывать губы – все это были приметы, по которым Глеб почти безошибочно мог угадать, какая комбинация пришла Гурамову.

После очередного проигрыша парень прохрипел какое-то ругательство на грузинском. Глеб, никак на это не отреагировав, сгреб к себе выигранные фишки.

– Ничего, будет и на моей улице праздник, – пробурчал Бадри, пытаясь сохранить невозмутимое лицо, хотя в душе у него бушевал адский огонь.

Корсак равнодушно пожал плечами. Бадрик подозвал официанта и коротко приказал:

– Две порции молта!

Официант кивнул и вскоре принес ему стакан «Хазельберна»¹ на белой салфетке. Бадрик залпом выпил его. Швырнул стакан официанту и посмотрел на Глеба.

– Вам опять повезло, Корсак! – сказал он. – Но когда-нибудь полоса везения закончится.

– Когда-нибудь все заканчивается, – невозмутимо изрек Глеб.

И едва заметно усмехнулся. Корсак понял, что противник готов его убить. И убил бы – будь у него под рукой оружие. Однако он и на этот раз смог взять себя в руки.

Парень явно плохо кончит, подумал Глеб. Но не сегодня.

¹ «Хазельберн» – сорт виски. (Прим. ред.)

Сегодня Бадрику Гурамову должно повезти. Пожалуй, ему повезет прямо сейчас.

Игра продолжилась. После объявления Глебом очередной ставки противники один за другим сбросили карты, и только Бадри остался в игре.

– Ставлю все, что есть, – просто сказал Глеб.

– Поддерживаю! – прорычал парень.

– Бадри Шалвович, не надо, – тихо сказал ему приятель, который давно скинул свои карты.

– Отстань, – рявкнул на него Гурамов. – Кто не рискует, тот не пьет шампанское, правда ведь, господин Корсак?

– Из тех, кто рискует, тоже мало кто получает шампанское, – ответил Глеб.

Он исподволь глянул на парня. Язык у того прошелся по губам, пальцы легонько пристукнули по столешнице, обитой зеленым сукном. Глеб понял, что Бадрик блефует.

На руках у Корсака были два туза и две семерки.

– Вскрываемся, – сказал он.

Бадрик судорожно перевернул карты.

– Пара на королях! – выпалил он и выжидательно посмотрел Глебу в глаза.

– Пара на семерках, – сказал тот, выкладывая свои карты.

Пасмурное лицо Бадрика просияло. Похоже, он не верил своему везению.

– А говорили, что никогда не проигрываете! – не скрывая своего торжества, воскликнул Бадри.

– Иногда и самые сильные игроки проигрывают, – невозмутимо отозвался Глеб.

Он встал из-за стола.

– Спасибо за игру, господа.

– Вы проиграли! – воскликнул Гурамов, чуть не смеясь от счастья. – Знаменитый везунчик Глеб Корсак проиграл! И проиграл мне – Бадрику Гурамову! Так кто из нас настоящий везунчик?

Вопрос явно был риторический, и Корсак не счел нужным на него отвечать.

Попрощавшись с игроками, он накинул плащ и вышел на улицу.

2

Погода не радовала уже четвертый день. Дул ветер, в лужах поблескивали фонари. Глеб подошел к припаркованному у обочины «Лексусу». Стекло опустилось, и он увидел знакомое лицо.

Пожилой мужчина достал из внутреннего кармана пальто конверт и протянул его Глебу.

– Эта сумма перекрывает ваш проигрыш в два раза, – сказал он с легким кавказским акцентом. – Можете пересчитать.

– Нет смысла, – ответил Глеб и убрал конверт в карман.

– Спасибо, что согласились помочь, Глеб Олегович.

– Пожалуйста. – Корсак посмотрел на жесткое, испещренное глубокими морщинами лицо бывшего вора в законе, а ныне депутата Госдумы. – Шалва Георгиевич, можно спросить – зачем вам это понадобилось?

– Бадрик все равно будет играть, – ответил депутат не без горечи. – Но сегодня у моего мальчика день рождения. Ему исполнилось двадцать пять лет.

– Значит, это подарок?

– Да. Я хочу, чтобы он был счастлив – по-настоящему счастлив. Хотя бы сегодня.

– Странный способ сделать человека счастливым, – сказал Глеб. – К тому же до утра еще далеко. Ваш сын может спустить все, что «выиграл».

– Я прослежу, чтобы он этого не сделал.

Корсак собрался распрощаться, но депутат Гурамов снова заговорил:

– Глеб Олегович, я слышал, что в последнее время вы себя неважно чувствуете. Говорят, после недавней травмы головы вас мучают сильные боли.

– Кто вам сказал? – поинтересовался Глеб.

– Неважно. Просто я хотел по-дружески вам предложить: если нужны европейские врачи или клиники...

– Спасибо, со мной все в порядке.

Несколько секунд депутат испытующе смотрел на журналиста, затем улыбнулся и вежливо произнес:

– Да, конечно. Разумеется. Всего вам доброго, Глеб Олегович! И берегите себя!

– Вы тоже.

Тонированное стекло «Лексуса» скрыло лицо депутата. Машина мягко тронулась и, быстро набирая скорость, покатилась прочь от клуба.

Глеб повернулся и зашагал к своей «бэхе». В салоне он включил «Радио Джаз» и закурил электронную сигарету.

– Зря ты с ним связался, дружище, – сказал человек, сидящий рядом.

Глеб хмуро на него покосился. Он готов был поклясться, что еще несколько секунд назад никого на соседнем сиденье не было.

– И вообще все это дело дурно пахнет, – продолжил

человек, расположившийся рядом. – Помнишь, ты когда-то писал статью про чемпиона мира по боксу, которому предложили «лечь под противника». В той статье ты назвал его «проституткой». Тебе не кажется, что ты поступил точно так же?

– Нет, не кажется. Это не одно и то же.

Человек хмыкнул.

– Слухи о твоей «болезни» распространяются слишком быстро. Скоро вся Москва будет знать, что ты сумасшедший. И что тогда?

– Лягу в клинику, а когда выйду, напишу «Палату номер шесть» или «Записки из мертвого дома».

– Все шутишь? – Собеседник саркастически хмыкнул. – Не надоело? Послушай, дружище...

– Помолчи, – велел Глеб. – Тебя не существует. Ты – моя галлюцинация.

– Да ну? – Двойник криво ухмыльнулся. – А машина, в которой ты сидишь? А город, по которому ты едешь? Откуда ты знаешь, что все это существует в реальности и не исчезает, когда ты засыпаешь?

– Дешевый солипсизм.

– И все же я здесь. И ты со мною разговариваешь.

– Ты прав. Но сейчас я положу этому конец.

Глеб достал из внутреннего кармана пиджака флакон с таблетками. Двойник посмотрел, как он вытряхивает пилюлю на ладонь, и сказал:

- Это ни к чему не приведет.
- Это приведет к тому, что ты исчезнешь.
- Да, но не навсегда. Лишь на время.
- Меня это устраивает. В жизни ничего не бывает «навсегда».

Глеб забросил таблетку в рот и, сделав усилие, проглотил ее. Закрыв глаза и пару минут посидел молча и неподвижно. Затем открыл глаза и посмотрел на соседнее сиденье. Там никого не было.

Глеб облегченно перевел дух. Затем достал телефон и набрал номер своего психиатра. Тот отозвался после двух гудков.

- Доктор Макаровский слушает.
- Виктор, это опять произошло.
- Глеб? – Психиатр выдержал паузу. – Ты видел своего двойника?

– Да. И на этот раз не только видел, но и говорил с ним. – Корсак набрал в легкие воздуха, мысленно досчитал до трех, успокаивая сердцебиение, затем выдохнул: – Скажи мне честно, Витя, я сумасшедший?

– Нет, Глеб, ты не сумасшедший. Это все – последствия стресса.

– А разве не из-за стрессов люди сходят с ума? Я разговариваю со своим двойником. Любой нормальный психиатр сказал бы, что я свихнулся.

- Я нормальный психиатр, и я говорю тебе, что это прой-

дет.

– Ты мой друг и ты меня щадишь. Я глотаю таблетки уже неделю, а прогресса нет.

– Я говорил тебе: одних таблеток мало. Ложись в клинику, Глеб! Пойми, ты нуждаешься в отдыхе! Твой мозг нуждается в отдыхе!

– Мне нужен еще один стресс.

– Что?

– Клин клином вышибают.

– Глеб, больных людей не лечат стрессами.

– Теперь лечат. Это новая методика.

– Чья?

– Моя. И Ницше. «То, что нас не убивает, делает нас сильнее».

– Твой Ницше был изрядной скотиной, – заявил Макаровский.

– Да, но умной скотиной. И я доверяю ему больше, чем тебе.

– Глеб, не сходи с ума!

– Поздно, Витя. Уже сошел.

Корсак отключил телефон. Посидел немного молча, потом тихо окликнул:

– Эй! Ты еще здесь?

Никто не ответил. Он вздохнул и удовлетворенно сказал:

– Вот и хорошо. Надо чего-нибудь пожевать.

Затем повернул ключ зажигания и тронул машину с места.

Полтора часа спустя Корсак сидел в глубоком кресле перед пылающим вирт-камином. На журнальном столике – бутылка водки, бутылка тоника, чашка со льдом и блюдо с ветчиной и бужениной. В руке – стакан с холодным коктейлем.

За окнами все еще царила тьма, хотя через пару часов должно было рассвети. Сиамский кот Самурай, умолотив несколько кусков ветчины, сидел на подлокотнике кресла в величественной позе сфинкса. Кот был доволен и сыт, Глеб – тоже, хотя на душе у него было мрачновато.

Телевизора в доме он не держал, и его это вполне устраивало. Обычно он предпочитал тишину самому изысканному шуму, но сейчас не отказал себе в удовольствии послушать перед сном хорошую музыку. Выбор пал на «Tutu», предпоследний студийный альбом Майлза Дэвиса.

Слушая холодновато-меланхолические звуки трубы Дэвиса и потягивая водку с тоником, Глеб размышлял о том, что жизнь при всей ее паршивости иногда бывает вполне сносной штукой. Даже сейчас, когда, снова оставшись один, он привыкает к статусу старого холостяка. Привыкает... и не может привыкнуть.

Допив коктейль, Корсак решил смешать себе еще один, но, едва он потянулся к бутылке, как телефон на журнальном столике отчаянно завибрировал, привлекая его внимание.

Глеб не без досады отставил бокал и взял мобильник.

– Слушаю, – буркнул он в трубку.

– Журналист Глеб Корсак?

– Да.

– Ваш номер мне дали в редакции журнала. Меня зовут Евгений Борисович Чурсин. Я врач.

– У меня уже есть врач, – сказал на это Глеб. – Всего доброго!

Он прервал связь и бросил телефон на столик. Снова потянулся за бутылкой, однако звонивший не собирался сдаваться без боя. Телефон завибрировал с еще большим энтузиазмом. Самурай открыл глаза и с упреком мяукнул.

– Ладно тебе вякать, – сказал ему Глеб. – Сейчас отвечу.

Он вздохнул и взял трубку.

– Да.

– Это опять доктор Чурсин. Простите, я не успел объяснить. Вы знакомы с Андреем Темченко?

– Нет.

– Странно.

– Почему?

– Он назвал вашу фамилию.

– Ее многие знают.

Собеседник, сбитый с толку, несколько секунд молчал. Потом решил зайти с другого бока.

– Простите, я снова не с того начал. Андрей Темченко – мой пациент. Он провел в коме много лет, а сегодня утром пришел в себя.

– А такое бывает? – небрежно осведомился Корсак.

– Редко, но бывает.

– Ладно. А я-то тут при чем?

– У моего пациента амнезия. До сегодняшней ночи он не помнил ничего, кроме своей фамилии. А сегодня он вспомнил вашу.

Глеб посмотрел на бутылку с водкой и досадливо поморщился. Было очевидно, что доктор Чурсин ждет от него каких-то разъяснений, но он не собирался никому ничего разъяснять.

– Прошу прощения, но я... – начал было он, однако доктор его перебил:

– Глеб Олегович, вы можете приехать?

Корсак слегка опешил.

– Когда? – растерянно спросил он.

– Когда сможете. Но чем быстрее, тем лучше.

Глеб задумался.

– Хорошо. Я буду у вас ровно в полдень. Называйте адрес.

Чурсин продиктовал адрес. Глеб сказал, что запомнил, попрощался и положил трубку. После чего сделал музыку погромче и смешал себе новый коктейль.

3

Евгений Борисович Чурсин, высокий, сутуловатый, в белом халате и очках в золотой оправе, неторопливо прохаживался перед кроватью, в которой сидел, навалившись спиной на подушки, Андрей Темченко.

– Восемнадцать лет назад вы попали под грузовик, – вещал доктор. – Он переломал почти все ваши кости.

– Но вы же их «склеили»!

Чурсин строго взглянул на пациента сквозь стекла очков и сказал:

– Милый мой, вы восемнадцать лет находились без движения. Ваши кости стали хрупкими, но это еще полбеды. В ваших суставах и сосудах за это время произошли патологические изменения.

– Да, вы об этом уже говорили. Скажите лучше, я стану здоровым? У меня есть шансы?

– Есть. Но немного.

– Спасибо за прямоту.

Доктор остановился и поправил пальцем очки.

– Резервы вашего организма велики, но не безграничны. Восстановление будет тяжелым и болезненным. Если случится закупорка сосудов или даже простая кишечная инфекция – вы можете умереть.

– Я чувствую себя намного лучше, чем пару дней назад, –

возразил Темченко. – Завтра или послезавтра могу попробовать встать на ноги.

– На ноги? – Чурсин усмехнулся. – Хорошо. Я вам докажу. Вытяните руки перед собой. Да-да, просто вытяните, смелее!

Темченко поднял руки и вытянул их перед собой. Однако продержат их так смог не больше пяти секунд, после чего они упали на одеяло.

– Вот видите, – произнес доктор без торжества, но с легким упреком. – Все должно происходить постепенно. Считайте, что вы заново родились на свет меньше двух недель назад. Разве двухнедельный младенец пытается встать на ноги?

– Мне сорок лет, – хмуро сказал Темченко.

Доктор вздохнул.

– Что ж... Вижу, вы очень упорный человек. Хорошо, завтра мы начнем курс мышечной реабилитации. Но главное ваше правило – постепенность. Никаких резких движений. Никакой самодеятельности. Все должно идти по намеченному плану. Вы меня поняли?

– Понял.

– Ваша новая жизнь только начинается. Вы будете заново учиться ходить, садиться, вставать, водить машину, накачивать мускулы... Не торопить события, но и не терять веру. Вы поняли, что я сказал?

Темченко вздохнул.

– Понял, доктор. Я не дегенерат.

– Станете дегенератом, если попытаетесь форсировать события, и наживете себе осложнения. А пока...

Дверь кабинета приоткрылась.

– Евгений Борисович? – услышали они голос Лизы.

– Что там еще? – обернулся Чурсин.

– Можно вас?

– Да, сейчас. – Доктор снова взглянул на Темченко. – Никакой самодеятельности! – повторил он. И вышел из палаты.

В коридоре Лиза дождалась, пока он прикроет за собой дверь, и сказала:

– Евгений Борисович, пришел журналист, которому вы звонили. Глеб Корсак.

– Пришел? Отлично! Где он?

– Вон – сидит в кресле. Я позволила ему пройти.

– Хорошо. Пойду его подготовлю.

Доктор сунул руки в карманы халата и зашагал к Глебу. Тот, увидев Чурсина, поднялся ему навстречу.

– Глеб Олегович? – с улыбкой осведомился доктор.

– Да. Ваш пациент хотел меня видеть.

– Да-да, сейчас я вас к нему проведу! – кивнул доктор и пожал журналисту руку.

Глеб достал из кармана электронную сигарету и сунул в рот.

– Простите, но у нас нельзя курить, – сказал Чурсин.

– Она электронная.

– Даже электронные.

Глеб молча убрал сигарету обратно в карман и вопросительно посмотрел на врача.

– Перед тем, как вы встретитесь, я должен кое-что вам объяснить, – сказал тот. – Пациент Андрей Темченко всего одиннадцать дней назад вышел из комы.

– Вот как, – неопределенно проговорил Корсак. – И сколько он спал?

– Восемнадцать лет.

Лицо Глеба вытянулось.

– Сколько-сколько?

– Восемнадцать лет, – повторил Чурсин. – Он впал в кому после того, как его сбила машина. Случилось это на трассе, вокруг лес. Темченко получил множественные переломы. У него было сотрясение мозга и еще много чего.

– Сочувствую парню. Но почему он позвал меня?

– Дело в том, что он почти ничего не помнит о своей жизни до аварии. Ваше имя было вторым, которое он вспомнил – после своего собственного.

Глеб задумчиво сдвинул брови.

– Он говорил, откуда меня знает?

Доктор покачал головой:

– Нет. Он помнит только ваше имя – Глеб Корсак.

– Уверен, что я не единственный Глеб Корсак на свете.

– Да, но он попросил позвать именно вас. – Чурсин улыбнулся. – Он увидел вашу фамилию под журнальной статьей.

– Хорошо, что не на заборе, – заметил Глеб. – И чего ему

от меня нужно?

– А разве это не очевидно? Андрей Темченко пытается вернуть себе воспоминания.

– С моей помощью?

– Да. – Доктор выжидательно посмотрел на Глеба. – Подумайте. Припомните. Быть может, вам знакомо его имя? Андрей Темченко.

– Похоже, моя память тоже не совсем в порядке, – иронично произнес Корсак.

– Ладно, – смирился Чурсин. – Но вам все равно следует с ним поговорить. На беседу у вас есть пять минут. Не больше. Пациент еще слишком слаб.

– Думаю, мне хватит и минуты, – ответил Глеб. – Куда идти?

Когда Глеб вошел в палату, Андрей Темченко был там не один. Рядом с его кроватью сидела на белом табурете молоденькая медсестра, хрупкая, похожая на подростка. У нее было усталое лицо с правильными, тонкими чертами и большие зеленые глаза. Завидев Глеба, она хотела подняться с табурета, но пациент удержал ее за руку.

– Подождите, Лиза. Оставайтесь.

Девушка покраснела и бросила на Глеба смущенный взгляд.

– Но вам ведь нужно поговорить.

– Вы нам не мешаете, – тихо произнес Темченко.

Он посмотрел на вошедшего.

– Вы Глеб Корсак?

– Точно, – кивнул тот. – А вы Андрей Темченко?

– Верно. – Рыжий мужчина слабо улыбнулся сухими, бесцветными губами. – Я видел вашу статью. И подпись под ней.

– И как вам статья?

– Не знаю, не читал.

– Значит, вас вдохновила подпись? Я всегда говорил, что мне повезло с именем и фамилией, – ухмыльнулся Глеб.

Темченко тоже попытался улыбнуться, но улыбка вышла вялой и ненатуральной.

– Мне не так сильно повезло, – сказал он, – судя по тому, что вы меня не помните. Не против, если мы перейдем на «ты»? Мы ведь, наверное, ровесники.

– Наверное, – согласился Глеб. – Хотя выглядишь ты намного младше.

Корсак покривил душой, поскольку выглядел его собеседник странно. Андрей Темченко напоминал внезапно постаревшего мальчика, или, скорей, юного актера, на лицо которого наложили небрежный грим в виде россыпи страдальческих морщинок.

– Да уж, моложе. – Темченко усмехнулся и с горечью проговорил: – Я все никак не могу привыкнуть к тому, что мне почти сорок лет. Ведь еще несколько дней назад мне было всего двадцать два.

– Странное, наверно, ощущение.

– Не то слово. Садись на стул!

Глеб подошел к кровати и уселся на белый венский стул.

– Телевизор уже смотрел? – поинтересовался он у пациента.

– Да, – ответил тот.

– И как тебе наш мир? Впечатляет?

– Скорее, пугает. Компьютеры, сотовые телефоны, крутые тачки, заграничные товары в свободном доступе... Все это похоже на фантастику. Если, конечно, телевизор не врет и показывает правду.

– Он не врет, – сказал Глеб. – Товаров действительно много. А вот хороших людей мало. Впрочем, они всегда были в дефиците.

Глеб потянулся к карману пиджака за электронной сигаретой, но вспомнил, что в больнице курить нельзя, и со вздохом положил руку на колено.

Все это время пациент наблюдал за ним изучающим взглядом.

– Откуда я тебя знаю? – спросил он наконец.

– Сам скажи, – отозвался Глеб небрежно.

Некоторое время оба молчали, разглядывая друг друга. Первым молчание прервал Темченко.

– Кажется, я вспомнил. – Он снова внимательно взгляделся в лицо Корсака. – Школа, да? Ведь это было в школе? Ты тоже там учился, верно?

– Все мы учились в школе, – ответил Глеб. – Этой пытки

не удалось избежать никому.

– Ты меня не помнишь? Совсем не помнишь?

Корсак молчал, и, казалось, что смотрит он не на взволнованное лицо пациента, а куда-то мимо.

– Я Андрей Темченко! Ты звал меня Тьмой! Глеб, ты правда меня не помнишь?

Корсак вздохнул.

– Помню. Конечно, помню. Ты – тот ненормальный мальчишка, который воображал себя колдуном.

– Верно! – Андрей облегченно улыбнулся. – Значит, я не ошибся. Это радует.

– А я рад, что смог тебя повеселить, – сказал Глеб.

Они помолчали, продолжая разглядывать друг друга.

– Значит, ты теперь журналист? – снова заговорил Темченко.

– Угу.

– Расскажи мне.

– О чем?

– Обо мне.

Глеб пожал плечами:

– Да нечего рассказывать. Мы с тобой не виделись с самой школы. То есть уже лет двадцать пять.

– Для меня прошло всего пять лет, – тихо произнес Темченко.

– Ну, значит, тебе и карты в руки. – Глеб пожал плечами. – Мне правда нечего тебе сказать. Прости.

Дверь приоткрылась, и в палату заглянул доктор Чурсин.

– Пора заканчивать разговор, – строго сказал он.

– Доктор, еще немного, – попросил Темченко. – Пожалуйста.

– Но...

– Пару минут, – взмолился Андрей. – Иначе я не смогу уснуть.

– Хорошо. Глеб Олегович, зайдите потом ко мне в кабинет, если вам не трудно. Это прямо по коридору, а потом налево. Если заблудитесь, вам любой покажет.

– Хорошо.

Доктор скрылся из вида, плотно притворив за собой дверь.

Темченко несколько секунд молчал, собираясь с духом. Потом заговорил спокойным голосом, в котором чувствовалось сдерживаемое напряжение.

– Восемнадцать лет назад я попал под машину, когда выбежал из леса.

– Не повезло, – сказал Глеб. – А что ты делал в лесу?

– Не помню. Но это было важно. Очень важно.

– Сочувствую.

Темченко стиснул зубы, отчего желваки на его скулах напряглись, а потом заявил, повысив голос:

– Ты журналист.

– Правильный диагноз, – кивнул Глеб.

– И специализируешься на криминальной теме.

– Снова в точку.

– Значит, у тебя есть связи?

Корсак усмехнулся:

– Если ты про «порочные», то их у меня полно.

Темченко вяло улыбнулся – скорее, из вежливости.

– Глеб, что-то произошло восемнадцать лет назад, – продолжил он. – Что-то очень важное. И я хочу знать – что именно. Ты можешь выяснить, где именно это было?

– Наверное.

– А ты можешь... туда съездить?

Корсак чуть прищурил золотисто-карие глаза, отчего лицо его стало холодным и неприветливым.

– Смелая просьба, – сказал он. – И чего ради я это должен делать?

Темченко помолчал. Потом облизнул губы и заговорил снова, на этот раз гораздо сбивчивее, чем прежде.

– Мне снятся кошмары, Глеб. И будут сниться до тех пор, пока я не узнаю, что случилось тогда в лесу.

При упоминании о кошмарах лицо Глеба слегка потемнело.

– Что конкретно тебе снится? – спросил он.

– Что-то страшное. Будто бы в этом лесу происходит что-то неправильное. То, что разрушит мою жизнь. И... и не только мою. Мне снится, что я должен это остановить. И не только ради себя.

Глеб хмыкнул.

– Интрига. Это хорошо. Но я сейчас слишком занят. К тому же я с опаской отношусь к лесу. Я давно предпочитаю каменные джунгли настоящим, Андрей.

Темченко прищурился.

– Ты назвал меня по имени, Глеб.

– И что?

– Ничего. Но мне это нравится. Послушай, мне сказали, что я очень богат.

– Сочувствую.

– Что, если я тебе заплачу? Я советовался с нашей медсестрой, и она сказала, что две тысячи долларов – это очень хорошие деньги.

– Для медсестры – возможно, – отозвался на это Глеб.

– Ясно, – пробормотал Темченко. – Тогда как насчет пяти?

– Только за то, что я выясню, где тебя сбила машина, и наведуясь в то место?

– Да.

– Интересное предложение. Я над ним подумаю. – Глеб поднял руку и взглянул на циферблат часов. – А сейчас мне пора. Выздоровливай!

Корсак встал и повернулся к двери.

– Подожди, – окликнул его Темченко.

Журналист остановился и взглянул на больного через плечо. Тот смотрел на него пристальным взглядом.

– Глеб, ты по-прежнему думаешь, что мы не причастны

к ее смерти?

– К чьей?

– Химички. Ты правда думаешь, что мы не виноваты?

Некоторое время Глеб задумчиво смотрел на бывшего одноклассника, потом разлепил губы и небрежно обронил:

– До встречи, Тьма.

Отвернулся и молча вышел из палаты. Темченко закрыл глаза.

Снова он их открыл только через пять минут.

– Лиза?

– Да, Андрей.

– Я забыл, что вы еще здесь.

– Вы сами попросили меня остаться.

Он улыбнулся:

– Да, помню. Простите, что вам пришлось выслушать весь этот бред.

– Ничего. Как вы себя чувствуете?

– Нормально. Только немного устал. Я, пожалуй, посплю.

– Хорошая идея, – улыбнулась Лиза и встала с табурета. –

Если понадобится – нажмите на кнопку.

4

Корсак стоял на площадке между лестничными пролетами и курил электронную сигарету, задумчиво поглядывая в окно. Погруженный в свои размышления, он не услышал, как дверь у него за спиной тихо открылась и к нему подошла девушка и встала рядом.

– Глеб!

Корсак вздрогнул и посмотрел на Лизу.

– Простите, я забыла ваше отчество...

– Обойдемся без отчеств.

– Я хотела...

– Отличная штука эта электронная сигарета. – Глеб затянулся и выпустил бледно-голубое облачко. – Можно регулировать потребление никотина. А вместо дыма идет обычный безвредный пар. Хотите попробовать?

– Нет, – сказала она. – Вы правда его вспомнили?

– Андрея Темченко?

– Да.

– Конечно. Разве я похож на сумасшедшего фантазера, придумывающего себе друзей детства?

– А разве нет? – услышал он знакомый голос.

Глеб покосился на худощавую фигуру в сером плаще, стоящую у стены. Всклоченные темные волосы, горбинка на носу, ироничные карие глаза. В насмешливо искривленных

губах дымится сигарета. Не электронная – настоящая.

«Я тебя не слушаю, – мысленно сказал Глеб своему двойнику. – Пошел прочь!»

– Прости, я не расслышал, – глумливо проговорил тот. – Думай, пожалуйста, погромче. А лучше – скажи это вслух.

«Хочешь, чтобы меня приняли за сумасшедшего?»

– А ты все еще думаешь, что ты нормальный?

Глеб побледнел, но сохранил невозмутимое выражение лица и, глубоко затаившись, выпустил облачко пара в лицо своему двойнику.

– Простите, вам плохо? – тревожно спросила Лиза, заметив его бледность.

Глеб тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение.

– Нет... – пробормотал он. И повысил голос: – Я в норме. Так о чем вы хотели рассказать?

– Я... хотела... – Она снова сбилась. – Я хотела поговорить об Андрее Темченко. Видите ли, во сне он часто стонет и бредит.

– Его можно понять, – сказал Глеб.

– Во сне он бредит, – повторила медсестра. – И все время бормочет: «Я за тобой вернусь, я за тобой вернусь». А однажды даже крикнул: «Я уже здесь!» И голос у него при этом был какой-то... странный.

– Странный?

– Да. Как будто чужой.

– В этом нет ничего необычного. Многие люди разговари-

вают во сне, и голоса их при этом всегда звучат странно.

Лиза вздохнула.

– Да, я знаю. Но все же... Когда он это кричал, все его показатели зашкаливали. Пульс, давление, частота дыхания... Он переживал во сне настоящий ужас.

Внезапно Лиза подалась вперед, положила Глебу ладонь на предплечье и крепко сжала его.

– Прошу вас, помогите ему! – взволнованно сказала она, глядя в глаза Корсаку. – Помогите!

Двойник, стоявший в углу с сигаретой в руке, оскалил зубы в усмешке.

– Кажется, девочка всерьез запала на этого мумифицированного придурка.

– Перестань, – вслух сказал ему Глеб.

– Что? – встревожилась Лиза.

– Ничего, – ответил Глеб.

Он постарался не смотреть на двойника. Электронная сигарета в его пальцах слегка подрагивала, и двойник заметил это.

– Слушай, хватит сосать этот никотиновый суррогат! – продолжил потешаться тот. – Что может быть лучше настоящего табака!

Двойник жадно затянулся своей сигаретой и выпустил густой клубок дыма. Глеб жадно вдохнул этот дым, но не почувствовал запаха.

– Так вы поможете Андрею? – спросила Лиза, ловя глаза-

ми взгляд Глеба.

– Возможно, – ответил тот. – А сейчас вам лучше уйти. Мне надо все обдумать.

– Да, конечно. Извините. Если что – звоните мне на мобильный, я записала для вас номер.

Она сунула ему в руку желтый листок бумаги.

– До свидания, Глеб Олегович!

– Угу. До скорого.

Медсестра ушла, оставив его наедине с призрачным двойником.

– Ты разучился общаться с девушками, – с упреком сказал тот. – В былые годы ты ни за что не упустил бы такую...

Глеб достал из кармана пластиковый флакончик с таблетками.

– А вот это зря, – сказал двойник.

Корсак вытряхнул на ладонь пару пилюль и забросил их в рот. Достал из другого кармана маленькую бутылочку с минеральной водой.

– Эй, ты что, это была шутка! – насмешливо запротестовал двойник. – Ну, перестань, брат, не будь занудой.

– Я тебе не брат, – отчеканил Глеб и запил препарат водой.

Двойник вздохнул:

– Вот так всегда. Только-только разговорились.

– Убирайся к черту, – отчеканил Корсак и закрыл глаза.

– Еще увидимся! – услышал он несуществующий голос.

Десять минут спустя Глеб Корсак постучал в дверь кабинета доктора Чурсина.

– Да-да! – отозвались оттуда.

Глеб приоткрыл дверь.

– Доктор, найдете для меня несколько минут?

– Да, разумеется! Входите!

Чурсин сделал широкий жест рукой и указал на кресло перед столом. Подождал, пока Глеб пройдет и усядется, после чего доброжелательно поинтересовался:

– Как прошла встреча?

– Нормально. Ваш пациент вспомнил, что когда-то мы с ним были одноклассниками.

Стеклышки очков доктора блеснули, когда он поправил сползающую дужку пальцем.

– Не слишком ли много холода в вашем голосе, когда вы говорите о своем школьном прошлом? – с улыбкой сказал он.

Глеб не нашелся, что на это ответить.

– В любом случае, я рад, что вы пришли, – продолжил Чурсин. – Надеюсь, общение с вами поможет ему поскорее все вспомнить.

– Да, возможно. – Глеб с интересом посмотрел на умное худое лицо врача. – Вам не интересно, о чем мы говорили?

– Медсестра Лиза только что была у меня и пересказала вашу беседу.

– И как вы относитесь к его просьбе?

– Насчет того, чтобы вы съездили на место аварии?

– Да.

Доктор Чурсин пожал плечами.

– Даже не знаю. Ну, а вы? Что вы намерены делать?

– Ничего, – сказал Глеб.

– Совсем ничего?

– Совсем.

Евгений Борисович вздохнул.

– Да... Наверное, вы правы. Вряд ли ваши блуждания по лесной чаще помогут моему пациенту.

– Это точно. Но что я скажу ему?

– Скажете, что съездили, но не нашли ничего интересного.

Глеб усмехнулся:

– Прописываете пациенту ложь?

– Врачи постоянно лгут своим больным, Глеб Олегович.

Так же, как журналисты – своим читателям. Я ведь прав?

– Абсолютно.

Они посмотрели друг другу в глаза.

– Что с ним будет дальше? – спросил Глеб. – Ведь по сути он вернулся с того света. Как он это переживает?

Доктор опять поправил пальцем очки.

– Видите ли... Медикам известно о коме чрезвычайно мало. Впрочем, существуют некоторые закономерности. У пациентов, побывавших в коматозном состоянии, часто меняется характер. Порой они становятся агрессивными и склонными к насилию, в других случаях наоборот – пассивными,

ко всему безразличными. Однако у подавляющего большинства пациентов наступает сильная депрессия.

– Да, я об этом читал. Почему одни коматозники просыпаются, а другие нет?

Евгений Борисович снял очки и потер пальцами покрасневшие от усталости глаза.

– Это загадка, которую не удалось пока разгадать никому, – ответил он. – Чаще всего срабатывает какой-то стимул. При этом стимулом может послужить что угодно. Андрей Темченко проснулся после того, как ему дали снотворное золпидем. Сейчас мы продолжаем давать ему этот препарат.

– И как? Темченко действительно восстанавливается? Сколько времени это займет?

– Выход из коматозного состояния – процесс длительный и сложный. Функции центральной нервной системы восстанавливаются медленно. Обычно это происходит в порядке, обратном их угнетению. Сначала появляются корнеальные рефлексы, потом зрачковые. Далее уменьшается степень вегетативных расстройств. Нередко отмечается спутанность сознания, а иногда даже галлюцинации. Пациент словно оглушен. Возможны судорожные припадки с последующим сумеречным состоянием...

– Я спросил не об этом. Я спросил: выздоровеет он или нет?

Чурсин надел очки, посмотрел на Глеба сквозь стекла

и сказал:

– Его выздоровление под большим вопросом. Уж простите мне мою прямоту. Ваш знакомый пролежал в коме восемнадцать лет. Его пробуждение – слишком большой стресс для организма. Вполне вероятно, что его сознание снова начнет угасать. А вместе и ним и его тело.

– Если это произойдет... Сколько у него осталось времени?

– Не знаю. У Темченко большие проблемы с суставами и сосудами.

– Хотя бы приблизительно.

Врач вздохнул:

– Я бы на его месте не загадывал дальше чем на полгода. Но я не пророк, а в жизни иногда случаются чудеса. Будем надеяться на лучшее.

– Полгода, – задумчиво повторил Корсак. – Андрей об этом, конечно, не знает?

– Конечно нет. И надеюсь, вы ему об этом не скажете.

– Не скажу.

Глеб поднялся.

– Это все, что я хотел узнать, – сказал он. – До свидания!

Чурсин улыбнулся.

– До свидания! Будет славно, если вы снова к нему придете.

– Посмотрим.

В коридоре, направляясь к палате Андрея, Глеб снова

столкнулся с Лизой. Она покраснела и кивнула ему. Он кивнул в ответ. Затем пошел дальше. Остановился у палаты, приоткрыл дверь и негромко окликнул:

– Андрей!

Темченко открыл глаза и безмолвно посмотрел на Корсака.

– Я сделаю то, о чем ты просил.

Андрей закрыл глаза. Глеб повернулся и ушел прочь.

Глава 3

Черный лес

1

Полтора часа спустя Глеб Корсак сидел в кафе и потягивал черный кофе из красивой чашки с надписью «Счастье есть!». Когда лежавший на столе мобильник завибрировал, Глеб с готовностью взял его и поднес к уху.

– Да, Толя!

– Глеб, я по поводу твоего знакомого.

– Андрея Темченко?

– Да. Я прошерстил наши базы данных и кое-что нашел.

Под колеса грузовика он угодил девятого сентября девяносто пятого года. Около трех часов ночи.

Глеб подался вперед, как собака, почуявшая дичь.

– Где конкретно это произошло? – сухо уточнил он.

– На шестидесятом километре Минского шоссе. Там еще неподалеку есть деревенька Черновники. Вернее – была.

– Почему «была»? – насторожился Корсак.

– Теперь она заброшена. Там рядом обширные болота. Комары, трясина, все дела.

– Ясно. Спасибо, Толян. Я твой должник.

– Да не за что. Передавай привет Маше.

– Передам, если увижу.

– А разве вы не вместе?

– Уже нет. Еще раз спасибо. Бывай!

Глеб отключил связь и сунул телефон в карман пиджака.

После чего залпом допил кофе, бросил на стол две сотенные купюры и поднялся из-за стола.

В три часа пополудни Корсак сел в машину и, включив «Радио Джаз», покатил в сторону деревеньки под названием Черновники. Около пяти часов вечера он проехал старенький обшарпанный знак «Осторожно – лоси!» и сбавил скорость.

Глеб вдруг испытал дежавю. Ему показалось, что он уже бывал здесь когда-то и видел этот знак. Чтобы прогнать неприятное ощущение, Корсак энергично тряхнул головой и проговорил вслух:

– Ерунда. Я здесь никогда не бывал.

Самовнушение подействовало, чувство дежавю ушло.

Еще через три километра он увидел табличку с надписью «Черновники», а затем и поворот на проселочную дорогу.

Глеб свернул с шоссе и медленно поехал по ухабам, заросшим травой. В одном месте на дороге валялся полуобглоданный собачий труп. Он противно хрустнул под колесом машины. В другом – из-под колеса с громким писком выскочил какой-то зверек, метнулся в сторону и скрылся в траве прежде, чем Глеб успел понять, что же это такое было.

В зеркале заднего вида Корсак увидел, как из-за мокрых деревьев выплыло что-то большое и темное. Он обернулся. Огромный лось стоял посреди дороги, как обломок корабельной мачты, вкопанной в землю, и внимательно разглядывал машину. Сначала одним выпуклым глазом, затем – повернув массивную голову, – другим, таким же выпуклым и внимательным. Посмотрел, вздохнул, как пожилой не очень здоровый человек, и, понуриив голову, ушел.

Еще полчаса спустя, изрядно попрыгав по ухабам, Глеб въехал в полузаброшенную деревню, где из двух десятков домов, которые стояли на виду, пятнадцать были полными развалахами. Бревенчатые избушки пришли в упадок, фундамент просел, дерево превратилось в труху. Сверху над всем этим апофеозом разложения молча кружили черные коршуны, то и дело ныряя камнем вниз и взмывая из травы с зажатой в когтях добычей.

Глеб вырулил на небольшую плешь – пятнадцать на пятнадцать метров – и заглушил мотор. Посреди плешки стоял колодец с треснувшим деревянным валиком и оторванной лебедкой.

Крайний домик привлек внимание Глеба тем, что из трубы его шел дымок. Корсак открыл дверцу и выбрался из салона. И тут же услышал стук топора.

Сунув в рот электронную сигарету, Корсак пересек улицу и подошел к покосившемуся заборчику. Он увидел коренного седобородого старика в меховой жилетке и сапогах.

В руке дедок держал топор.

Глеб вынул сигарету и втянул ноздрями приятный запах смолы и дерева, исходящий от разрубленных кругляков.

Старик выпрямился, посмотрел на пришельца хмурым взглядом и вытер рукавом потный лоб.

– Здравствуйте! – поприветствовал его Корсак.

– И тебе не хворать, – отозвался старик. – Ты кто? И чего тебе здесь надо?

– Меня зовут Глеб Корсак. Я журналист из Москвы.

– Журналист? И в какой газете работаешь?

– В газете «Соль земли».

Старик пошевелил бровями и сказал:

– Не слышал о такой.

– Немного потеряли, – иронично заметил Глеб. – Я пишу статью о заброшенных деревнях. Ваша деревня кажется мне...

– Наша деревня не заброшена, пока мы здесь, – перебил его дед.

– «Мы?» – Глеб обвел взглядом ветхие избы. – Так вас здесь много?

– Пятеро – со мной и моей женой.

– Ясно.

Глеб снова сунул сигарету в рот и выпустил облачко безникотинового пара.

Над головой раздался клекот. Глеб взглянул на серое небо и увидел двух птиц, описывающих круги над лесом.

– Это луни, – пояснил старик. – Хищные птицы. Падают на жертву сверху камнем и убивают.

Он достал топор из колоды.

– Красивые хищники, – сказал Глеб.

– И смертоносные. Убивают других птиц.

Глеб усмехнулся:

– Прямо как люди.

Старик окинул непрошеного гостя взглядом с ног до головы.

– Значит, журналист?

– Угу. – Корсак обезоруживающе улыбнулся. – Из Москвы. Говорят, в ваших местах много таинственного. Вот, решил приехать и посмотреть сам.

– И что же у нас таинственного? – прищурился старик.

– Ну, как... Болота, заброшенные дома... Там, где болота, там всегда тайны, ведь так?

– Хорошая попытка, – сказал старик.

– Что?

– Я говорю, врешь ты здорово. Но все равно врешь. Так зачем ты сюда *на самом деле* приехал?

Глеб засмеялся и примирительно поднял руки.

– Сдаюсь! Вы меня разоблачили. Тема моего журналистского расследования совсем другая.

– И какая же?

Глеб несколько секунд размышлял, а потом попробовал наудачу:

– Восемнадцать лет назад в этих местах что-то произошло. Вы в то время жили здесь?

– Жил. – Старик сплюнул на грудь влажных опилок и вытер рот рукавом. – Ты, должно быть, говоришь про пожар за Сорочьей балкой?

Глеб кивнул.

– Так чего ж про него писать? Само занялось, само погасло. До деревни огонь не дошел.

– Так-то оно так, но... – Глеб глубокомысленно сдвинул брови. – Вы сами-то давно были за Сорочьей балкой?

– Я-то? – Старик ухмыльнулся, обнажив желтые редкие зубы. – Я не самоубийца, чтобы туда шастать. Места там нехорошие, гиблые. Из местных туда и раньше-то никто не ходил, а сейчас тем более – и ходить-то стало некому.

Старик посмотрел в сторону дома. Глеб проследил за его взглядом и увидел старую женщину, которая наблюдала за ними из окна. С седыми волосами и в светло-серой кофте, она выглядела прильнувшим к стеклу призраком. Заметив, что Глеб на нее смотрит, старушка тут же скрылась в глубине комнаты.

– И что в тех местах «нехорошего»? – спросил Глеб, снова взглянув на старика. – Почему туда никто не ходит?

– Говорят, там живет нечистая сила. Кружит человека по лесу, не дает выйти, пока не уморит до смерти.

Старик повернулся к Глебу и вдруг пошел на него с топором в руке. Корсак отпрянул, но старик прошел мимо и дви-

нулся к сараю.

Глеб, секунду помешкав, последовал за ним. Остановился у открытой двери сарая, посмотрел, как дед вешает топор на гвоздь рядом с другими инструментами.

– Расскажите мне про тот пожар, – попросил он.

Старик повернулся, посмотрел на Глеба задумчиво, после чего ответил:

– Да рассказывать особо нечего. Сгорела охотничья избушка да с полгектара леса. А может, и того меньше. Началась жуткая гроза, и ливень быстро прибил огонь.

– Вы там были?

Старик покачал головой:

– Нет. Говорю тебе: туда давно никто не ходит.

– Насколько давно?

– Да почитай уже лет тридцать. С тех пор как туристы пропали... году, наверное, в семидесятом... пропали, а потом нашлись.

– Живые? – на всякий случай уточнил Корсак.

Старик усмехнулся:

– Куда там. Мертвые! Заплутали в лесу и померли от голода и холода. И это всего-то в пяти километрах от нашей деревни. Упокой Господи их души с миром!

Старик перекрестился.

– Да, не повезло, – сказал Глеб.

– Везение тут ни при чем. Говорю тебе, места там погиблые. Коли дурак – то пойдешь и сгинешь, а коли умный –

обогнешь стороной или вовсе в ту сторону не посмотришь.

Глеб покивал в знак согласия, а потом спросил:

– А сколько отсюда до охотничьего домика?

– До того, что сгорел?

– Да.

Старик задумчиво почмокал губами.

– Километров шесть будет.

– Выходит, совсем близко?

– Это смотря как поглядеть. Напрямки не пройдешь – болота да буреломы. Только от шоссе и можно.

– Это как?

– Видел старый знак – «Осторожно – лоси!»?

– Да.

– В километре от него была когда-то тропка. Места там сухие, не топкие. Коли по тропинке той пройдешь, то меньше чем через час к пожарищу выйдешь. Возьмешь правее – угодишь в трясину.

– А левее?

– Левее – Сорочья балка. Попадешь туда – тоже не вернешься.

Глеб улыбнулся.

– Н-да... Мрачно тут у вас все. Спасибо, что согласились поговорить.

– Да не за что.

– Передавайте привет супруге!

На это старик ничего не сказал, лишь окинул худощавую

фигуру Глеба задумчивым взглядом, словно оценивал его шансы на выживание.

Корсак кивнул ему, повернулся и зашагал к машине, чувствуя спиной его пристальный взгляд.

2

Старик не обманул и ничего не перепутал. Выбравшись из машины в километре от знака, предостерегающего людей от лосей (или, скорее, наоборот), Глеб нашел тропинку (или, скорее, ее подобие) и двинулся вперед.

Было еще светло, и порой сквозь темные тучи проглядывали тусклые лучи вечернего солнца. Под ногами все время хлюпало, и, пройдя километра полтора, Глеб обнаружил, что насквозь промочил ботинки и носки.

Был момент, когда Корсаку почудилось, будто он слышит хлопанье крыльев над головой, но, глянув наверх, он увидел только облака.

Минут через двадцать Глебу почудился легкий, застарелый запах гари. Он прошел еще метров триста, вытаскивая ноги из чавкающей грязи, прошел мимо группы черных обгоревших сосен и вышел на открытое пространство. И тут его охватило неприятное чувство – что-то вроде безотчетного страха перед неминуемой встречей с чем-то кошмарным.

Корсак вдруг обратил внимание на то, что осенний ветер больше не шевелит ветви деревьев и вокруг стоит тишина – мертвая, как в склепе.

Он замедлил шаг, задержавшись под сенью деревьев.

Серое небо без птиц, подернутый легким туманом луг, искривившиеся черные деревья – все замерло в какой-то

противоестественной тишине. В голове у Глеба мелькнула мысль, что сделай он сейчас шаг – и его нога беззвучно провалится сквозь прозрачную землю, а попробует крикнуть – и с губ не сорвется ни звука.

Глеб сделал над собой усилие и последовал дальше.

Порыв холодного ветра оживил природу, и у Глеба возникло ощущение, будто за ним наблюдают. И хотя грубая тишина нарушилась и лес сбросил с себя оцепенелость, Корсака все еще не оставило ощущение сверхъестественного, которое он только что испытал.

Он пересек луг, участок обгоревших деревьев, окруженный молодой порослью, которая еще не сбросила листья, и увидел обугленные развалины охотничьего домика. Он остановился и перевел дух. Ноги ныли от усталости, в груди щемило.

Глеб достал из кармана электронную сигарету. Несколько раз затянулся паром, как астматик – ингалятором, затем убрал сигарету обратно и зашагал к обугленным развалинам. Не дойдя до пожарища метров десять, он остановился и уставился на груды черно-серой золы. Вгляделся внимательней, побледнел и невольно отступил на шаг назад. Из золы торчала человеческая рука со скрюченными пальцами, кости которых обнажились и почернели.

Глеб облизнул пересохшие губы и огляделся по сторонам. Вокруг мрачной стеной стояли деревья.

– Черт... – вымолвил он севшим от волнения голосом. –

Вот это сюрприз.

Он потянулся было за сигаретой, но передумал и вместо нее достал мобильный телефон. Быстро набрал номер и прижал трубку к уху.

– Алло... Здравствуйте! Могу я поговорить с майором Любимовой?.. Маша, это Глеб. – Он покосился на человеческие останки, но сразу отвел взгляд. – Я тут кое-что нашел. Думаю, тебе и твоим коллегам стоит на это посмотреть.

3

Глеб озирал поляну, еще недавно безлюдную и безмолвную, а теперь запруженную машинами, освещенную фарами и фонарями, и заполненную снующими людьми – оперативниками, экспертами и еще черт знает кем. Кажется, тут были даже журналисты.

Капитан Данилов, среднего роста, сухопарый и смазливый брюнет, стоя напротив Корсака, продолжал допрос, который он тактично называл беседой.

– Что ты делал в лесу, Глеб?

– Гулял.

– Один?

Корсак кивнул.

– Один, как перст, как ветер в поле.

– Странное место для прогулки, ты не находишь?

– Традиционное, – возразил Глеб. – Горожан часто тянет

в лес.

Стас Данилов насмешливо прищурился:

– Так ты сюда на пикник, что ли, приехал?

– Угу. Как видишь, место располагает к пикникам.

Стас окинул взглядом пепелище и хмыкнул.

– Это точно. Но, кажется, тут уже кто-то побывал до тебя.

– Верно. Меня опередили. И пикник не состоялся.

– Да уж, шашлычок получился подгоревший, – подал го-

лос судмедэксперт Лаврененков, подходя к Глебу и Стасу. И, утерев платком морщинистое лицо, процитировал с кривой ухмылочкой:

Как-то в пещеру пошли два туриста,
взяли с собою бензина канистру,
но поступили они с нею глупо:
в базе нашли два обугленных трупа.

– Семен Иванович, нельзя ли посерьезнее? – осадила его Маша Любимова, подходя к мужчинам.

– Можно, – сказал эксперт, напялил очки на хрящеватый нос и окинул взглядом ладную фигуру майора Любимовой. – С чего начать, Машенька?

Она откинула с лица белокурую прядь волос.

– С чего хотите.

– Ладно. Предположительно могу сказать, что трупу этому – много-много лет. Не сто, конечно, но лет десять точно. Или даже больше. Скорей всего, это была женщина. Перед тем, как сжечь бедняжку, ей пробили чем-то грудь. Сломана грудина, а также два ребра. Красивая она была или нет – мы не узнаем, поскольку у трупа нет головы. Ее у бедняжки отсекли до того, как запалили огонь.

– Значит, десять с чем-то лет назад кто-то отрезал или отрубил женщине голову, пробил ей грудь, а затем, чтобы уничтожить следы преступления, сжег тело. Так?

Судмедэксперт усмехнулся:

– Не знаю, Марусенька, меня там не было. Но поешь ты складно, как всегда.

Маша поежилась от порыва холодного ветра и подняла воротник светлого плаща.

– Семен Иванович, мне нужен анализ ДНК. Пока проходной, а потом комплексный.

– Сделаем, Маруся.

– А также анализ остатков одежды. Возможно, удастся найти образцы генетического материала убийцы.

– Это вряд ли.

– И все-таки сделайте. Результаты пробейте по базе данных. Возможно, убитая стала жертвой маньяка.

– Есть, – сказал эксперт и поднес руку к виску.

Маша улыбнулась и взглянула на Корсака.

– Рассказывай, Глеб.

– Сегодня утром мне позвонили из некой частной клиники. Сообщили, что один их пациент пару недель назад вышел из комы. У него амнезия, но он вспомнил два имени – свое и мое.

Глеб сунул в рот свою сигарету и пыхнул паром. Маша посмотрела на него несколько удивленно.

– Бросаешь курить?

– Что-то вроде того.

– Так что там с этим пациентом? – поторопил Стас. – И кто он вообще такой?

– Зовут его Андрей Темченко. Когда-то мы с ним учились

вместе в школе, даже сидели за одной партой. Но потом я потерял его из виду. Восемнадцать лет назад Темченко попал под машину, после чего впал в кому. Мою фамилию он увидел в каком-то журнале, она показалась ему знакомой. Со мной связались, попросили приехать. Я приехал. – Глеб пожал плечами. – Вот, собственно, и все.

– О чем вы говорили с Темченко? – спросила Маша.

– Он не помнит ничего о своей жизни до комы. Он попросил меня разузнать, где конкретно произошла авария, и... съездить сюда.

– Зачем?

– Наверное, надеялся, что я что-нибудь найду. Что-нибудь такое, что освежит ему память.

– Что ж, тебе это удалось, – сказала Маша и посмотрела на то место, где все еще лежал обугленный и обезглавленный труп. – Поздравляю.

Глеб легонько пожал плечом:

– Я всегда умел искать. Несколько лет назад я нашел тебя.

– Как показало время, эта находка была не очень удачной, – заметила Маша.

– Но она дала жизнь новому человеку.

– Которого ты навещаешь раз в месяц?

– Подрастет – буду навещать чаще.

– Типичный мужчина.

Стас Данилов примирительно поднял руки:

– Все, ребята, брэк.

Маша достала из сумочки пачку «Арома Rich», вынула тонкую коричневую сигаретку с золотым ободком, хотела достать зажигалку, но Глеб уже щелкнул своей. Она посмотрела на него поверх огня.

– Все еще таскаешь зажигалку? Зачем?

– По привычке, – ответил Глеб.

Маша прикурила, выпустила облачко дыма, которое ветер тут же отнес в сторону темной стены деревьев.

Она прищурилась, посмотрела на Глеба и спросила:

– Ну? И что ты обо всем этом думаешь?

– Пока ни одной дельной мысли у меня нет, – ответил Корсак. – Ясно одно: восемнадцать лет назад здесь что-то произошло. Хотя даже это не ясно. Женщину могли сжечь и раньше. А спустя время сюда зачем-то занесло Андрея Темченко.

– Занесло?

– Ну да, занесло. Может, он грибы собирал. Или бабочек ловил. Увлекся, забрел в чащобу и увидел то, что увидел я. Испугался, побежал к машине – та не завелась, он бросился ловить попутку и угодил под грузовик.

Маша поморщилась.

– Ерунда. Твой Темченко оказался здесь в тот вечер не случайно. Он и эта женщина как-то связаны.

– Думаешь, он ее...

– Мария Александровна! – окликнул Машу молодой криминалист Паша Скориков. – Мы тут нашли кое-что интерес-

ное!

Маша отбросила сигарету и быстро подошла к Паше, сидевшему на корточках возле обугленного тела.

– Что это? – спросила она.

– Кажется, бумажник.

Маша достала из кармана плаща фонарик и осветила на находку. Это и впрямь был бумажник – старомодный, из черной клеенки, заплесневевший по углам.

– Не часто преступник оставляет на месте преступления кошелек, – задумчиво проговорила Маша.

– Это уж точно.

– Он женский. Паш, попробуй его открыть, только осторожно.

Молодой криминалист осторожно раскрыл кошелек пальцами, обтянутыми белым силиконом перчаток.

– Это что – булавка?

– Да, Мария Александровна, похоже на то.

– А что на ней?

Майор Любимова и эксперт-криминалист Скориков внимательно осмотрели маленький круглый шарик с отверстием посередине, в которое и была продета заржавленная булавка.

– Глаз куклы? – предположил криминалист.

– Не знаю. Там, в кармашке, есть что-то еще. Достань, но осторожно.

Паша кивнул, вытащил стальной пинцет и осторожно извлек из кармашка бумажника несколько купюр старого об-

разца.

– Ого! – воскликнул криминалист, напряженно улыбнувшись. – Будет, на что сегодня попить пива, ребята!

Его шутку никто не поддержал. Все взгляды были направлены на бумажник. Паша, ловко орудуя пинцетом, извлек из кармашка полуистлевший листок бумаги, на котором что-то было написано фиолетовыми чернилами.

– Что там? – спросил Данилов.

Паша поднес листок к глазам.

– Тут два слова, – сказал он. – «Ад тел».

– Не нравится мне это, – проворчал, сдвинув брови, подошедший к ним капитан Волохов. И смущенно перекрестился.

– Не понял, – насмешливо сказал Стас. – Ты же вроде атеист?

– Просто на всякий случай, – хмуро отозвался Толя.

– Ад тел, – задумчиво повторила Маша. – Мистика какая-то.

Она повернулась к Глебу, который спокойно потягивал свою эрзац-сигарету.

– Что скажешь? – спросила она.

– Скажу, что это оксюморон, – ответил Корсак. – Как известно, в ад попадают не тела, а души.

– Оксю... что? – не понял Стас.

– Оксюморон, – пояснил для него Глеб. – Сочетание противоречивых понятий. Типа – «горячий снег». Ну, или «ум-

ный мент».

Глаза Стаса сузились, он уже раскрыл рот, чтобы дать отповедь Глебу, но Паша его перебил.

– Тут есть что-то еще... – Он наморщил нос. – Мерзкое.

Паша достал из бумажника некий предмет – нечто темное, похожее на волосатое дохлое насекомое.

– Это еще что за гадость? – пробасил Толя и поморщился.

– Лаврененков! – позвала Маша. – Семен Иванович!

– Ну? – обреченно спросил пожилой эксперт, подходя к операм. – Какую еще пакость вы для меня припасли?

– Сегодня только приятные вещи, – проинформировал его насмешливый Стас. – Кукольный глаз, дохлый тарантул и адская записка.

– О! – утрированно обрадовался Лаврененков. – Мой любимый набор.

Он присел на корточки и положил на траву свой чемоданчик. Раскрыл его, достал щипцы, взял ими таинственный предмет и осторожно оглядел его.

– Это не паук, – сказал Лаврененков.

– А что тогда? – спросили в один голос Стас и Толя Волохов.

Лаврененков улыбнулся зловещей улыбкой старого маляка и сообщил:

– Волосы. Комок свалявшихся человеческих волос.

Затем стал упаковывать все находки в пластиковые пакетики.

– Головы нет, а волосы есть, – пробасил задумчиво и недовольно капитан Волохов. – Что же, черт подери, все это значит? – Он взглянул на майора Любимову. – А, Маш?

Она вздохнула:

– Будем разбираться. Кстати, я, кажется, знаю, что такое.

«Ад тел».

– И что же? – наострил слух Толя.

– То, что осталось от слов «адрес» и «телефон». Остальное истлело.

Стас подмигнул Толе:

– Вот тебе и мистика.

Маша швырнула окурок в мокрую траву и достала из сумки листы бумаги, чтобы продолжить составление протокола осмотра места происшествия.

Медсестра Лиза включила в палате мягкий ночной свет, затем помогла Андрею сесть на кровати.

– Все тело болит, – пожаловался он.

– Это из-за упражнений, – объяснила Лиза.

– Да. Знаю.

– Инструктор по физиотерапии сказал, что так и должно быть.

– Угу.

Андрей поморщился, вспомнив недавнюю гимнастику. Это было похоже на пытку – разминать и прокручивать сустав за суставом, постепенно включать в работу мышцы, сначала мелкие, потом более крупные.

Двадцать минут такой гимнастики совершенно измотали Андрея. И даже двухчасовой сон не помог ему восстановиться. Голова у него слегка кружилась, но он решил не обращать на это внимания.

Андрей пытался читать журнал, но вскоре понял, что не может вникнуть в суть прочитанного. Он попросил Лизу включить телевизор и добрых двадцать минут с мрачным видом созерцал какое-то ток-шоу, совершенно не понимая, что столь важное обсуждают эти люди, из-за чего они так горчатся.

Тогда он попросил Лизу выключить телевизор, а когда она

это сделала, снова лег на кровать.

– Андрей Павлович, – участливо заговорила Лиза, глядя на его опечаленное лицо, – как вы...

– Просто Андрей, – мягко перебил он. – Называйте меня Андреем.

– Хорошо. – Она улыбнулась. – Андрей.

– Черт, я уже начинаю привыкать к тому, что мне сорок лет, – проговорил он с горечью и досадой.

– Сорок лет – самый расцвет для мужчины, – с улыбкой сказала Лиза.

– Не знаю. Мне не с чем сравнивать, поскольку я не был ни двадцатипятилетним, ни тридцатилетним. Пару недель назад мне было всего двадцать два. Примерно, как вам сейчас.

– Мне двадцать один, – уточнила Лиза. – Поэтому вы в любом случае старше меня.

Он делано улыбнулся. Потом помолчал, исподволь разглядывая девушку, после чего сказал:

– Лиза, можно вас кое о чем спросить?

– Конечно, – с готовностью кивнула она.

– Почему вы со мной так возитесь?

Худенькое лицо девушки порозовело.

– Что вы... – пробормотала она. – Вы ошибаетесь. Я одинаково хорошо отношусь ко всем пациен...

– Лиза, я больной, но не глупый, – перебил ее Темченко. – Так почему вы со мной возитесь? Чем я вам так дорог?

– Все дело... в моем отце, – сбивчиво начала она. – Он

тоже был в коме. Четыре года. И все это время мы с мамой надеялись, что однажды он откроет глаза, улыбнется и скажет нам: «Привет! Я вернулся!»

– И как? Он действительно вернулся?

Лиза покачала головой:

– Нет. Он умер.

– Сожалею. Сколько вам тогда было?

– Одиннадцать. Послушайте... Хотите, я принесу вам что-нибудь из домашней еды? – неловко сменила она тему.

– Домашней?

Лиза кивнула:

– Да. В нашей больнице хорошо кормят, но все же...

– Но все же никакая общепитовская еда не сравнится с домашним супом и котлетами? – с улыбкой закончил за нее Андрей. – Полностью с вами согласен. Поэтому не имею ничего против домашней еды.

Лиза просияла.

– Тогда я принесу. Завтра же!

– Хорошо. А теперь я хочу остаться один и немного вздремнуть. Ты не возражаешь?

– Нет.

Темченко дождался, пока медсестра вышла, и закрыл глаза. Он не мог понять почему, но его терзали неприятные предчувствия, и предчувствия эти не имели никакого отношения к его здоровью или болезни.

Он уже восстановил в памяти свое детство и отрочество.

Даже помнил, как поступал после школы в МГИМО. Но он никак не мог вспомнить, что привело его восемнадцать лет назад в лес. Что он там делал? И один ли он там был? А если нет – то кто с ним был еще?

Размышляя об этом, он задремал. Перед глазами пронеслись образы прошлого, чьи-то лица, обрывки фраз, отдаленный смех. Потом он вспомнил девушку – светловолосую, довольно симпатичную. Кажется, она была его подружкой... Да-да, именно так. Точнее сказать – одной из его подружек, потому что в ту далекую пору он был настоящим бабником, а деньги папаши-замминистра, модные шмотки и автомобиль «Тойота» последней модели помогали ему не знать отбоя от симпатичных девчонок. Вот и в тот день он валялся в постели с одной из них. Кажется, они провели бурную ночь, но в двадцать два года Андрей Темченко не знал усталости и готов был заниматься сексом до бесконечности...

...И тогда она нежно поцеловала его в грудь. Андрей усмехнулся и стряхнул с сигареты пепел в хрустальную пепельницу, стоявшую на тумбочке.

– Тебе нравится? – проворковала подружка, глядя на него огромными синими глазами, в которых отражалось все, что угодно, кроме интеллекта.

– Нормально, – сказал Темченко.

– Нормально? Всего лишь? – Она соблазнительно улыбнулась. – А если я опущусь ниже?

– Попробуй.

Девушка слегка замялась.

– Ты ведь не будешь считать это извращением? – уточнила она.

Он качнул головой:

– Нет. А ты?

– Я? – Она улыбнулась распухшими от поцелуев губами. – Сейчас посмотрим!

Подружка плавно скользнула вниз и исчезла под одеялом. Когда ее губы коснулись его возбужденной плоти, Андрей закусил губу и прикрыл глаза от удовольствия.

«Хорошая девочка, – подумал он. – Надо будет сводить ее в ресторан. Или подарить ей пару билетов на концерт «Агаты Кристи». Кажется, она сказала, что любит этот ансамбль...

Или это была не она? А, неважно».

Он подавил стон, когда она взяла его член в рот, потом, содрогаясь от наслаждения, затянулся сигаретой и затушил окурок в пепельнице. После чего заложил руки за голову и удобнее устроился на подушке, готовясь продержаться подольше и получить полную дозу кайфа.

Когда он готов уже был «приплыть», на тумбочке запиликал радиотелефон. Не стоило, конечно, его брать. Но Андрей подумал, что разговаривать по телефону, когда красотка делает тебе под одеялом минет, – это круто. По-барски. Это, черт возьми, забойно!

Он протянул руку, взял тяжелую трубку и, нажав на кнопку связи, приставил ее к уху.

– Слушаю! – хрипло проговорил он.

– Андрюх, привет! – услышал он звонкий голос Виталика Борзина.

– Привет, Виталя!

– Слушай, старик, ты чем в пятницу занят?

Андрей посмотрел на мерно двигающуюся горку под одеялом, масляно улыбнулся и ответил:

– С утра в институте, а потом ничем.

– Есть предложение. В пятницу Гоша Пряшников устраивает что-то вроде мальчишника.

– Мальчишника? Погоди...

Андрей отставил трубку в сторону, выгнулся дугой и – «приплыл». Потом расслабился, снова поднес телефон к уху

и с довольной улыбкой спросил:

– Так что он там устраивает?

– Мальчишник. Это как в американских комедиях. Смотрел?

– Угу. Гоша Пряшников в среду женится, вот он и решил устроить нам...

Подружка выскользнула из-под одеяла, посмотрела на Андрея шальным взглядом и вытерла рукой губы.

– Андрюх, ты там? – окликнул из трубки голос Виталика Борзина.

– Ага. Дурак твой Гоша Пряшников.

– Чего?

– Говорю, дурак он.

– Не скажи. Невеста – племянница члена Совета федерации. И заметь – любимая племянница!

– Да, но жениться в двадцать два года... По-моему, нужно быть конченым кретином. Вокруг столько девчонок!

И он подмигнул подружке. Она хихикнула и потянулась за пачкой «Мальборо-лайт», лежащей на тумбочке.

– А что ему помешает их оприходовать? – весело возразил Виталик. – Жена женой, а личная жизнь – личной жизнью, правильно я говорю?

– С точки зрения мужа, да. Но молодая жена... Молодая жена, Виталик, может с этим не согласиться. Подожди минутку!

Андрей закрыл рукой трубку и сказал подружке:

– Слышь, старуха, сгоняй на кухню за шампусиком! Шампусик клевый – «Моет»!

– Вот за что я тебя люблю, Андрюша, так это за твою несказанную щедрость! – проворковала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.